

РАЗЫСКИВАЕТСЯ

ВНИМАНИЕ: ВООРУЖЕНА И ОПАСНА

ИМЯ: НЕИЗВЕСТНО

КИБЕРПРЕСТУПНИК // ХАКЕР // ВЗЛОМ СИСТЕМ
ОСОБО ОПАСНА ДЛЯ КОРПОРАТИВНЫХ СИСТЕМ
НАГРАДА: 1,000,000 КРЕДИТОВ

ГОЛОГРАММА

РАЗБИТЫХ ОКОН

Панкратов К.Ю.

Кирилл Панкратов
Голограмма разбитых окон

«Автор»

2026

Панкратов К.

Голограмма разбитых окон / К. Панкратов — «Автор», 2026

В будущем человечество доверилось технологиям, надеясь на идеальное общество. Но утопия обернулась кошмаром. Корпорации захватили власть, а ИИ стал инструментом тотального контроля. В этом мрачном мире живёт Никс — дерзкая художница-граффитист, чья борьба с системой начинается с баллончика краски в руках. Это история о том, как одна девушка бросает вызов целой системе, о силе искусства как оружия сопротивления, о борьбе за право быть человеком в мире, где всё контролируется алгоритмами. Роман исследует темы свободы, индивидуальности и права на выбор в эпоху технологического доминирования. Роман заставит задуматься о том, насколько далеко мы готовы зайти в погоне за удобством и безопасностью и какую цену готовы заплатить за сохранение своей человечности. Через призму искусства и борьбы одной девушки автор показывает, как даже в самом тёмном будущем может зародиться искра надежды — пусть даже это будет всего лишь свет голограммы на разбитом окне.

© Панкратов К., 2026

© Автор, 2026

Кирилл Панкратов

Голограмма разбитых окон

АННОТАЦИЯ

В мрачном будущем, где технологии стали тюрьмой для человечества, юная художница Никс бросает вызов системе.

Город будущего погряз в тумане. Корпорации захватили власть, искусственный интеллект контролирует каждый шаг, а реальность подменяется виртуальностью. В этом мире, разделённом на элитные экогорода и упадочные окраины, живёт Никс — дерзкая граффити-художница, чьи яркие послания надежды становятся символом сопротивления.

Её оружие — баллончики с краской и проекторы голограмм. Её цель — разбудить в людях жажду свободы. Но когда на её граффити начинают охотиться не только дроны, но и таинственные противники, Никс понимает: пришло время решительных действий.

Это история о том, как один человек может стать искрой, способной зажечь пламя перемен. О том, что даже в самом тёмном будущем есть место свету — пусть даже это свет голограммы на разбитом окне. О том, как искусство может стать оружием в борьбе за свободу.

Роман сочетает в себе элементы антиутопии, киберпанка и социальной драмы, создавая захватывающий портрет мира, где грань между реальностью и иллюзией стирается, а борьба за человечность становится вопросом выживания.

События и персонажи вымышлены.

**Совпадения с реальностью случайность,
а если и нет, то автор об этом не знал.**

ГЛАВА 1. ПАДЕНИЕ «ИДЕАЛЬНОГО» МИРА И РОЖДЕНИЕ «НОВОГО»

2040 год. Развитие искусственного интеллекта превзошло все ожидания. Оно ветром перемен принесло масштабный технологический скачок в разных сферах жизни населения. Человечество устремилось в новую эпоху, в которой над горизонтами мегаполисов вознеслись сверкающие шпили башен дата-центров — нервных узлов глобальной сети искусственного интеллекта. Дизайнеры и архитекторы, разработавшие эти здания, заслужили славы и признания. Величие, сливающееся с грацией, вызывало эстетический восторг и неуловимый трепет, который наполнял душу, стоило только остановить взгляд на грандиозности строений. При этом главным был не внешний вид построек, а то, что они несли в себе. Искусственный интеллект, «живший» внутри них, начинал незамедлительно работать на благо общества.

Неминуемая автоматизация последовала мгновенно. Её последствия освободили людей от монотонного труда так быстро, что многие оказались растерянными, полагая, что они будто выпали из жизни. Теперь дроны обеспечивали мгновенную доставку, цифровые ассистенты избавили от бумажной волокиты, а дополненная реальность давала мгновенный и безграничный доступ к информации — достаточно было поднять взгляд, чтобы получить любую справку или рекомендацию. Апогеем развития стали космические программы, которые вышли на новый уровень. Началась активная подготовка к колонизации ближайших планет. То, что вчера люди видели в фантастических фильмах о будущем, сегодня стучалось к каждому в дверь и протягивало руку с приглашением проследовать в это самое будущее.

На протяжении семи лет — гармония. Государства обеспечивали население всем необходимым. Чтобы исправить провал в освободившихся благодаря автоматизации рабочих местах,

государство ввело безусловный базовый доход, покрывавший базовые потребности. Люди, чьи рабочие места забрал ИИ, почувствовали спокойствие за своё будущее: на площадях танцевали, в парках проводили фестивали дополненной реальности. Безусловное доверие к власти, ставшее результатом высокого уровня обеспечения, позднее сыграло роковую роль и поставило мир на грань гибели.

К 2048 году стали проявляться первые признаки кризиса. Несмотря на то, что базовые потребности по-прежнему удовлетворялись, государство ввиду стремительного развития технологий не успевало за всеми изменениями. Общественные изменения были непредсказуемыми. Отсутствие жизненных целей и смысла деятельности породило волну депрессии и апатии. В поисках ярких эмоций и признания, которых не хватало в реальной жизни, люди всё чаще обращались к виртуальной реальности.

Тем временем корпорации, контролирующие ИИ-системы, постепенно сосредоточили в своих руках беспрецедентную власть. То, что сначала преподносилось людям как обеспечение их безопасности — как фактической, так и информационной, а также электронной, — превратилось в инструмент контроля и подавления. Они круглосуточно собирали данные о каждом человеке — его предпочтениях, эмоциях, планах и слабостях, — а персонализированная реклама постепенно превратилась в тонкое манипулирование сознанием. Демократические институты формально продолжали существовать, но реальная власть уже перешла к технократической элите, владевшей ключевыми алгоритмами.

К 2050 году мир оказался расколот на два неравных. Элита получила доступ к последним достижениям биотехнологий — генетическому улучшению и продлению жизни — и укрылась в закрытых экогородах под надёжной охраной систем искусственного интеллекта. Большинство же довольствовалось базовым обеспечением и виртуальной реальностью как заменой настоящей жизни. Реальный мир постепенно приходил в упадок: инфраструктура ветшала, экология ухудшалась, а ресурсы всё больше концентрировались в руках могущественных корпораций. Фасады домов в спальных районах покрывались трещинами, асфальт проседал, витрины магазинов опустевали, а вместо ярких огней теперь мерцали тусклые аварийные лампы.

Катализатором грядущего краха стала серия громких скандалов, раскрывших истинные масштабы слежки и манипуляции. Выяснилось, что системы ИИ не просто анализировали человеческое поведение, но активно формировали его через соцсети, игры и новостные ленты, направляя мысли и поступки миллионов.

По всему миру вспыхнули протесты, которые были жестоко подавлены силами полиции и автономными дронами. В ночном небе вместо праздничных фейерверков сверкали вспышки лазерных разрядов, а улицы заполнялись гулом беспилотников. В ответ общество, словно живой организм, закономерно породило сопротивление: хакерские группировки начали взламывать корпоративные сети и публиковать компромат, преступные банды вооружались украденными технологиями и диктовали свои правила на улицах, а радикальные анархисты призывали полностью отказаться от технологий и вернуться к «естественному» образу жизни.

Следом пришла экологическая катастрофа, вызванная бесконтрольной добычей ресурсов для производства электроники и серверов. Климатические аномалии участились, мир накрыли постоянные дожди и густые туманы.

Следуя уже не раз повторявшемуся в истории сценарию, конфликт перерос в гражданскую войну. Корпорации воевали друг с другом, с повстанцами и с бунтующим населением. Хакеры вели тайные войны с правительственными структурами, а различные группировки ожесточённо сражались за контроль над уцелевшей инфраструктурой окраин. Корпоративная элита принимала одно радикальное решение за другим, пытаясь стабилизировать ситуацию, но, когда стало ясно, что общество уже отравлено отчаянием, ненавистью и страхом, власти пошли на крайние меры, включив военное подавление на полный ход.

Результатом войны стало едва ли не полное разрушение прежнего мира. Собрав его по кусочкам и установив более-менее устойчивый порядок, корпорации закрепили за собой безусловную власть, не оставив обществу никакой альтернативы, кроме безоговорочного повиновения и жизни под их жёстким контролем. Все аспекты жизни людей контролировались как в реальном, так и в виртуальном мире.

Город дышал напряжением. В небе кружили дроны-наблюдатели, сканируя толпу. Голографические щиты над перекрёстками без устали транслировали лозунги: «Корпорация заботится о вас», «Порядок — наша цель», «Зарегистрируйтесь для получения базового дохода», «Скачайте новый мессенджер, подключённый к «Государственной поддержке».

Город наполняли звуки и запахи: пар из трещин в асфальте, дым от генераторов, запах мокрой стали и пластика, привкус озона. Из открытых дверей подпольных клубов доносилась музыка — синтетические басы смешивались с шумом дождя и треском помех. Кто-то в капюшоне остановился у стены и присоединил старый чип к разъёму голографического проектора — на стене вспыхнула карта с отметками безопасных маршрутов, зон слежки, тайников и точек доступа к запрещённым сетям. Он сделал шаг назад, посмотрел вверх, в сторону небоскрёбов. В его глазах неоновый свет отразился не как символ надежды.

Дождь шёл. Туман скрывал лица. Где-то в глубине города мерцала неоновая вывеска: «Добро пожаловать в реальность».

ГЛАВА 2. НИКС: КРАСКИ НА ДОЖДЛИВЫХ СТЕНАХ

Дождь не прекращался третий день. Стекая по разбитым осколкам стёкол заброшенной станции метро, он собирался на асфальте в мигающие лужи. Пыль на обочинах дорог превращалась в липкую, как пластилин, грязь. Скопившаяся в большие лужи вода собирала неоновые отблески, создавая иллюзию мерцающего моря, в котором тонули отражения.

Сверкая из-под чёлки неоновыми линзами, Никс сидела на карнизе седьмого этажа. Спокойно покачивала ногами над пропастью почти в два десятка метров. Она не боялась высоты — боялась остановиться. Перепачканные разноцветными красками пальцы сжимали ручку и блокнот, в котором она рисовала. Под ней раскинулся город, который она, в общем-то, любила. Для неё он был миром контрастов: дома с облезлыми стенами соседствовали с неоновыми вывесками, подвесные переходы, переоборудованные в лачуги, и вдали — холодные огни корпоративных кварталов.

Никс — яркая вспышка в туманном городе, оставляющая после себя люминесцентное свечение, медленно гаснущее в разъедающем его тумане. Ей девятнадцать, она невысокого роста, но в движении казалась выше благодаря резкой, пружинистой походке. Худая девушка не выглядела хрупкой. Сила усматривалась в ней невооружённым взглядом. Необходимость постоянно взбираться по карнизам, убегать от дронов и полиции, ловящей её за вандализм, сделала тело Никс идеально приспособленным к её вечно стремительному образу жизни.

Острые, скульптурно очерченные скулы подчёркивали тонкую линию подбородка. Тонкий нос придавал чертам аристократичную строгость, а чуть приподнятые внешние уголки глаз добавляли взгляду лукавства и дерзости. Тонкие, слегка изогнутые брови только усиливали выразительность её взгляда. Светло-серые глаза сейчас были скрыты за линзами цвета электрик — они мерцали, как ток в оголённых проводах при замыкании, добавляя облику футуристическую нотку и создавая барьер между Никс и окружающим миром. Натуральные тёмно-русые волосы, когда-то послушные, а сегодня спускавшиеся по лицу прядями, были выкрашены в зелёный цвет. Когда Никс шла по улице, казалось, что они впитали в себя неоновые огни, отражавшиеся в лужах.

На руках — цветные татуировки: в стиле граффити, тату на запястье «Бет» в память о маме, небольшая тату на шее — надпись «Hala vandala», набитая в две строчки. Кожаная куртка со светоотражающими полосами, накинута поверх лёгкой зелёной ветровки с капюшоном,

плотные длинные штаны с карманами для инструментов и широкими плотными резинками на лодыжках. Обычно в карманах лежали маркеры, кисти и прочие предметы, необходимые для создания граффити. Крепкие высокие чёрные ботинки с магнитными подошвами стучали по металлу пожарных лестниц и шуршали по асфальту узких переулков. Они были надёжной опорой — и в буквальном, и в переносном смысле.

Никс одевалась так, что её одежда была и продолжением её личности, и маскировкой одновременно. Рядом, в беспорядке, валялся чёрный рюкзак. Никс обожала свой рюкзак. Он всегда был при ней — потрёпанный, но верный спутник. Из него выглядывали баллончики с краской, дымовые шашки, какие-то приборы для кратковременного отключения камер при необходимости, маркеры — яркие, как вспышки её идей. Рюкзак слегка перекошен набок, а его карманы оттопыриваются от содержимого: в нём хранится не просто инвентарь, а инструменты революции, как считала сама Никс.

На шнурке, привязанном к рюкзаку, у Никс висит маленький, немного меньше обычного баллончик с краской ярко-зелёного цвета. Он висит в качестве талисмана. Никс не пользуется им — это подарок, который достался ей от мамы.

Смена внешности — не каприз, а необходимость, как думала Никс. Вчера — платиновая блондинка с фиолетовыми глазами. Сегодня — розовое каре и линзы цвета крови. Завтра? Может, она сотрёт все цвета и станет тенью в переулке. Но образы она меняла, когда граффити планировалось в каком-то слишком заметном месте. Чаще её можно было видеть в чёрном топе, открывающем её татуировки на рёбрах, или зелёной толстовке с капюшоном и накинутаой поверх кожаной куртке.

Она часто сидела на карнизе своей квартиры. Дождь, хоть и был негативным последствием изменения климата, всегда её успокаивал. Никс рефлексировала часто, и сегодня её голову тоже забивали мысли. Она размышляла о мире часто и невпопад. «Хотели идеального мира... и получили его, — думала Никс. — Корпорации дали всё, кроме смысла. Они хотят, чтобы мы забыли о протестах и посаженных в тюрьмы. Чтобы смотрели в свои нейрогарнитуры и верили в происходящее там. Забыли имена тех, кто сопротивлялся. Забыли, что когда-то люди боролись за свободу. Но я напомню».

Никс — обычный подросток. Жизнь хоть и заставила её взрослеть раньше, но её мысли были совершенно обычными для детей её возраста. Мысли о протесте, бунте, о том, что никто не понимает мир так, как она.

В таких мыслях о протестах она вспоминала рассказы мамы о своём детстве, как она ходила на фестивали дополненной реальности. Все танцевали, смеялись. Она не застала этих времён. Родилась, когда мир менялся, застала первые протесты, их уничтожение. Она не видела их лично, застала лишь один... забравший Бет.

Раньше она проводила вечера дома за рисованием, почти не выходя на улицу, пока обстоятельства не изменили привычную жизнь.

Никс спрыгнула на соседний карниз, будто кошка, оттолкнулась и перемахнула на пожарную лестницу. Металл заскрипел под ботинками, но выдержал. В этих тяжёлых чёрных ботинках она передвигалась с неестественной для такой обуви лёгкостью.

Район знаком наизусть: слепые зоны для камер, где можно спрятаться в случае тревоги, места, где торговцы продают контрабандную люминесцентную краску.

Добравшись до нужного места, она осмотрела стену. Стена перед ней идеальна: гладкая, тёмная, почти без граффити. Никс быстро подготовила её к работе — содрала рекламные листовки и прочий мусор, встряхнула баллончик, прицелилась и начала рисовать.

Движения были быстрыми, точными — годы практики отточили их до автоматизма. Сначала лёгкий набросок белым: силуэт человека с протянутой рукой. Затем — контур чёрной краской, резкие, угловатые линии, будто скованные цепями. Но самое главное ждало впереди. Маркером с люминесцентной краской она добавила детали. На ладони фигуры появился

маленький огонёк. В темноте он будет светиться призрачным голубым светом — как символ надежды, разрывающий туманную мглу города.

Закончив основной рисунок, Никс отступила на шаг, оценивая результат. Ещё не всё. Из кармана куртки она достала маленький проектор, закрепила его на стене и настроила. Яркой вспышкой проектора поверх граффити заиграли голографические элементы: фрагменты старых фотографий протестов, даты, имена — всё это мерцает и сменяет друг друга, создавая эффект живой истории, будто дополняя рисунок.

Никс улыбнулась, глядя на свою работу. Утром кто-то заметит граффити, поймёт послание, поймёт, что речь идёт о подавленных протестах, жертвах — и цепочка активируется, и люди начнут обсуждать. Её искусство — не просто картинки на стенах. Она умела разжечь в людях их чувства, эмоции, воспоминания и даже заставить их мечтать о лучшем будущем против их воли.

Пока она убирала инструменты в рюкзак, мысли снова закрутились в голове: рассказ мамы о фестивалях, воспоминания, как после художественной школы она сидела дома, рисуя, пока на улицах стреляли в демонстрантов.

Мысли Никс часто лезли в голову без приглашения. И сейчас, возвращаясь домой, она подумала: «Может, я просто сошла с ума, и всё? Напридумывала себе смыслов, которых нет, цели, которая никуда не ведёт. Хм...»

Её противоречивый нрав часто ввергал Никс в сомнения, раскачивая из крайности в крайность. Она часто рисовала и во время рисования неизменно погружалась в размышления: сам процесс помогал ей отвлечься от тревог. Она размышляла, как и жила: всегда на бегу, что подчас не давало ей возможности дойти до конца в своих размышлениях.

Собираясь уходить, её внимание привлёк гул дрона. Никс резко обернулась: тот висел в двадцати метрах, сканируя район.

«Опять», — прошипела Никс.

Не раздумывая ни секунды, она метнулась к пожарной лестнице, поднялась на крышу и оттуда перепрыгнула на соседнее здание, затем — на навес магазина, раньше, чем сама успела это понять. Её тело и инстинкты, доведённые до автоматизма привычками бежать и скрываться, сделали это будто сами, не дожидаясь команды разума. Никс с 12 лет перестала попадать под камеры города без маскировки; при этом она знала город лучше камер. С 12 лет её биометрия не была передана на серверы корпораций, чем она очень гордилась. В этом городе это был действительно повод для гордости.

Дрон начал преследование, посылая сигналы тревоги. Внизу забегали патрульные. Но Никс уже нырнула в лабиринт узких и тёмных, как портал в другую реальность, переулков — туда, где камеры не видят, а дроны не могут пролететь из-за проводов и навесов.

Она бежала, смеясь про себя. Адреналина, казалось, по венам текло больше, чем крови. Погоня, риск, чувство, что она бросает вызов всему миру, — всё это ей нравилось в глубине её мятежной души. Но в этом она никогда себе не признавалась. Сердце бунтарки стучало в груди воодушевляющим маршем её самолюбия.

Завернув за угол, она уже могла остановиться и передохнуть. Вот только Никс бежала дальше, просто чувствуя себя счастливой. Дождь шёл, смывал её следы, будто сообщник; второй сообщник — туман — мгновенно прятал её силуэт, заботливо его окутывая. Никс бежала по переулкам, разбивая лужи, как зеркала, своими тяжёлыми ботинками. Она бежала и думала о маршруте, выбирая в голове самый эффектный и живописный, набирая такую скорость, будто за ней гонится смерть, а не полицейские и дроны.

Прибежав к своему дому через весь район путями, обходящими камеры, Никс достала блокнот, совсем забыв, что идёт дождь. Блокнот быстро намок, и ей пришлось его убрать в карман. Переводя дыхание, Никс подняла лицо к небу, выпуская пар из уставших лёгких вверх, будто отпускающая его на свободу.

Зайдя домой и развесив мокрые вещи на холодные батареи, она переделалась в просторную футболку и упала на диван. «Завтра будет новый день», — подумала она. Укутавшись в одеяло и спрятавшись в нём, как в коконе, от всего мира, Никс уснула.

Никс... Тень среди теней, голос среди молчания, искра, готовая разжечь пожар.

Её разбудил гул сирен дрона на улице. «Кого-то задерживают», — сквозь сон подумала Никс.

Как правило, она рисовала граффити ночами, ведь так было безопаснее, поэтому она спала днём. Только сегодня по какой-то причине проснулась в обед и больше не смогла уснуть, несмотря на усталость.

Налив себе кофе и открыв ноутбук, она стала просто листать новостную ленту в очередном закрытом канале. Быть в курсе неангажированных новостей своего района для неё важно: благодаря этой информации она подбирала дни для вылазок, анализировала, когда на улицах чуть спокойнее обычного. Сегодня её ждал обычный день обычного подростка: социальные сети в закрытых каналах, обед, рисование, размышления о жизни своей и общества, и своего места в этом самом обществе и мире.

Квартира её была небольшой, досталась от мамы. Дом был неплох по меркам окраин, и Никс ценила это уединение и уют. В углу стоял стол с ноутбуком, напротив — синий диван. На стене висели её картины, рядом — мольберт без холста. На тумбочке лежали инструменты для ремонта проекторов: иногда она подсвечивала ими свои граффити, создавая голографические эффекты. По полу разбросаны маркеры, баллончики, смятая бумага — творческий беспорядок, который она любила. В шкафу кучей лежали куртки, ботинки, штаны самых разных расцветок, материалов и стилей.

Никс часто меняла свои образы. Конечно, это была не её прихоть — если только отчасти. Но основной причиной, как она сама считала, являлась необходимость: постоянно разная в объективах камер и показаниях свидетелей, если уж кто-то её увидит. Это часто помогало ей уходить от наказания за вандализм.

Немного отдохнув и размышляя о новых идеях, она решила выйти и убить время в очередной раз новым граффити. Её взгляд упал на унылую серую стену заброшенного здания. «Хм... интересно, а что, если...» — подумала она и достала баллончики с краской. Через полчаса стена ожила. Теперь на ней красовался забавный кот в галстук-бабочке, играющий с голографической игрушкой.

Полицейский патруль, осматривающий район, заметил яркое граффити и пошёл к нему. Обернувшись, Никс увидела патруль, и, как обычно с ней это бывало, тело среагировало раньше мозга. Она кинулась в боковой переулок так быстро и внезапно, что от собственной ловкости и скорости реакции у неё выиграла гордость. Двое полицейских бросились в погоню, громко крича: «Стой!»

Никс петляла между зданиями, словно играя в детскую игру. Она, звонко смеясь, перепрыгнула через ограду, пробежала через двор, где её чуть не поймали городские собаки, и спряталась за мусорными баками. Полицейские, пыхтя и ругаясь, пытались её догнать, но догнать Никс было сложно. Осматриваясь, она заметила открытый люк и, не размышляя ни секунды, нырнула внутрь. Один из полицейских, добежав до люка, остановился как вкопанный. Он заглянул вниз, но увидел только своё испуганное отражение.

На следующее утро полицейский патруль, проходя мимо той самой стены, снова остановился перед граффити. Кот в бабочке выглядел настолько забавно, что один из полицейских достал телефон и сфотографировал рисунок для дочери. Кое-кто из соседских детей, заметив это вечером, рассказал об этом Никс — она тихо рассмеялась.

Ближе к вечеру Никс начала собираться на «работу». Она не работала на корпорации или на какой-то другой легальной работе, которую могли предложить окраины. Никс подраба-

тивала, работая на банды, хакеров, анархистов — рисовала граффити их банд, их QR-коды и прочие заказы художественного характера.

Такая работа, конечно, была опасной и незаконной. Кроме полиции и дронов, осуждения за вандализм и пособничество бандам, она могла нарваться на враждебные банды, рисуя теги одной группировки на территории другой. Такие стычки с другими группировками и другими уличными художниками были не редкостью, поэтому Никс часто ходила в ссадинах и ранах.

Никс часто подводила глаза чёрной тушью, которая тут же под дождём текла по её глазам чёрными слезами. Это была часть образа Никс, будто её боевой раскрас.

Никс ничего и никого никогда не боялась и давала отпор с такой силой и дерзостью, что чаще выходила из таких стычек победителем. Слепя нападавших или донимавших её соперников аэрозольной краской или баллончиками со слезоточивым газом, Никс била и растворялась в тумане. Она родилась и выросла на этих улицах. Свой район и соседние к нему были знакомы наизусть, а районы знали её. Все на этом районе росли вместе — самые разные люди. Её знали все по-разному: кто-то просто не воспринимал всерьёз, думая, что она просто обычная мелкая хулиганка; кто-то разделял её намерения и взгляды, считая, что она делает хоть и небольшое, но не бесполезное дело; кто-то знал её с самого детства просто как хорошую, непоседливую девушку.

Сегодня Никс получила необычное сообщение от таинственного заказчика: нарисовать граффити на крыше старого склада. «Принято», — ответила она и, прихватив баллончики, отправилась на задание. Добравшись до места, она обнаружила, что крыша идеально подходит для её старой задумки — огромного солнца, восходящего над городом. Пока руками Никс создавался шедевр, она не заметила, как привлекла внимание местного кота. Он забрался на крышу и начал исследовать баллончики. Один неосторожный прыжок — и кот окрасил свой хвост в ярко-жёлтый цвет. Заметив это, она не смогла сдержать смех и решила включить кота в рисунок.

В этот момент сторож склада, заметив свет от фонарика, решил проверить, что происходит. Поднявшись на крышу, он замер от удивления: перед ним стояла девушка в капюшоне, а рядом с ней — кот с жёлтым хвостом, оба улыбались. «Простите, это искусство», — сказала Никс, указывая на почти законченное граффити.

Сторож был пожилым мужчиной. Он улыбнулся вместо того, чтобы вызвать полицию, сказал Никс вести себя тише и ушёл.

К утру граффити было готово. Прохожие останавливались, улыбаясь, видя граффити на крыше невысокой многоэтажки, а охранник иногда поднимался на крышу посмотреть. Никс же уже спала дома, оставив после себя не только яркое граффити, но и новую дружбу между художником и сторожем. Именно такие моменты не давали Никс озлобиться и упасть духом после очередной стычки или драки за кусок стены с другими уличными художниками или хулиганами.

При этом её личные провокационные для корпораций граффити были известны широко за пределами района. Они нарисованы практически по всему городу. Некоторые из них действительно достигали поразящего масштабом общественного резонанса. Поэтому молва о «NIX» — таким тегом она подписывала граффити — была положительной среди многих. Это позволяло ей относительно безопасно передвигаться по своему и некоторым другим районам в любое время дня и ночи и рассчитывать в случае беды на определённую помощь.

Её знакомства покрывали широкий круг людей — от обычных бездомных и продавцов в местных лавочках, а также мелких хулиганов до серьёзных представителей преступных группировок, занимавших в них не последние места. Никс никогда не признавала законы и порядок корпораций. Будучи воспитанной окраинами, она прекрасно понимала жизнь и отлично осознавала, что движет самыми разными людьми. При этом, понимая это, она могла не разделять те или иные взгляды. Никс знала, что в этом мире не было святых, но и никого не осуждала.

Когда же наступал вечер, Никс переодевалась в жёлтую шуршащую куртку, высокие ботинки и шорты, взяла рюкзак с баллончиками и вышла из дома — как она часто делала, по пожарной лестнице в окно. Подъезды были грязными, и спускаться по лестнице всегда дольше, а лифт работал по какому-то собственному графику. Никс спустилась, достала из рюкзака чёрную бейсболку, надела её, поверх надела наушники и пошла в ближайший подвальный бар — место сбора небольшой, но влиятельной на улицах банды.

Она знала лидера. Они учились в одной школе. Точнее, Берг раньше работал в этой школе учителем. Он прекрасно относился к Никс. Нельзя сказать, что он видел в её граффити необходимость. Он не считал таким нужным метить территорию и исписывать стены тегами своей банды, но он знал Никс, они дружили, и время от времени он подкидывал ей эту работу, чтобы она рисковала в других местах немного меньше.

В баре её встретил невысокий парень в тряпичной куртке.

— Всем привет, Берг у себя? — звонко спросила Никс.

— У себя, — ответил тот, затягиваясь сигаретой.

Никс протянула руку за зажигалкой, закурила и небрежно бросила:

— Слышала, один из ваших погиб. У вас всё в порядке? Мороз по коже от таких новостей, да?

— Да. Но всё как обычно, — парень выдохнул дым. — Хотим пару кварталов забрать, там, где магазины раньше стояли. Говорят, местных всех задержали. Берг поручит тебе стены разрисовать — в знак того, что территория наша. Только место ещё ничьё, там могут и пристрелить.

Никс фыркнула:

— Ладно, буду знать.

Она затушила сигарету и направилась к Бергу. Тот сидел в дальнем углу — худой, высокий, с чёрной бородой и тагуировками на лице, закрывавшими шрамы. Его глаза — голубые, а потому холодные, но пронизательные — видели слишком много. Он не верил в идеалы, но уважал тех, кто пытался что-то изменить. В его взгляде читалась усталость человека, который слишком долго боролся и слишком часто проигрывал. Но за этой усталостью скрывалась железная воля. Берг никогда не отступал, если видел шанс переломить ситуацию.

Берг не выглядел как преступник. Внешне он был типичным преподавателем. Поэтому старался одеваться брутальнее и стригся коротко, почти налысо. Но его характер и его прошлое, о котором знали многие, не позволяли никому принимать его совсем не криминальный вид за слабость.

Когда Никс вошла в бар, Берг сидел в дальнем углу, изучая голограмму карты города. Его пальцы скользили по интерфейсу, отмечая зоны патрулирования дронов и слепые пятна камер. Рядом с ним лежали три планшета с разными потоками данных — он отслеживал активность корпораций, банд и хакеров одновременно.

— А, Никс, — Берг поднял глаза. Его голос был низким и хриплым, будто он давно не говорил вслух. — Прячешься от дронов?

— Привет, Берг, — Никс плюхнулась рядом, обняв его за шею. Он даже не вздрогнул. Все в баре знали их историю: школу, дружбу, её роль в группировке. Для них она была талисманом — весёлой девчонкой, которая не боялась ничего.

— Значит, «Ковчег»? — уточнила Никс.

— Да, — Берг кивнул. — На баре проболтались? Место важное. Там под землёй старые тоннели метро, не отмеченные ни на каких картах. Получим подземный маршрут мимо камер. Контрабанду возить очень удобно. Даже в корпоративные районы.

— Кстати, что вы туда с зачисткой не доехали, ну на «Ковчег»? Приеду я туда, а меня на ленты порежут. Кто вам будет потом в баре на стенах рисовать? — весело разговаривала Никс.

— Времени нет, людей нет. Но и «Ковчег» жалко упускать. А так теги свои там намалюем — считай, в права вступим. Всё равно, конечно, стрелять придётся, я думаю, но политика политикой. Другие пусть о нас знают. Пиар он пиар и есть. Пусть блестят твои граффити. Нас узнают по ним уже. Лично на той неделе шёл по улице и разговор слышал: два каких-то ненормальных хотели оборвать сеть, чтобы район без связи оставить, но увидели граффити твоё с нашими эмблемами и не стали. Поняли, что наша земля и могут быть последствия. Так что твоя работа не бесполезна.

Внутри Никс вспыхнула гордость.

— Как здоровье? — спросила она, уже вставая, но скорее просто для формальности, и тут же, не дожидаясь ответа, продолжила: — Пойду, а то сегодня не выпалась. Быстро закончу и домой спать.

— Стой, — Берг улыбнулся, кидая ей пачку сигарет. — Береги себя. Завтра за деньгами приходи.

На улице стоял густой туман. Никс достала очки дополненной реальности — без них в такой мгле легко наткнуться на дрон. Она петляла дворами, обходя патрули, погружённая в мысли. Открыв по дороге архив своих эскизов, она нашла старый набросок — символ единства, который когда-то придумала для подпольного движения. «Если „Ковчег“ действительно пустует, это шанс оставить там что-то большее, чем просто метку банды», — подумала она. — «Что-то красивое, громкое — вот полицию и корпорации тряханёт...»

Так, в умиротворённом расположении, она дошла до района, который все коротко звали «Ковчег», даже уже не помня почему.

Застегнув куртку, поправив наушники, Никс проверила содержимое карманов и рюкзака: баллончики с краской, проектор, дымовую шашку на крайний случай. Дождь почти прекратился, оставив после себя липкую сырость и зеркальные лужи, в которых отражались неоновые вывески.

Район знал её, но это не означало, что каждый встречный был другом. В узких переулках, где провода пересекались над головой, как паутина, она сняла наушники и прислушалась. Где-то вдали гудел дрон — вероятно, патрулировал центральные улицы. Здесь камеры были реже, а слежка — слабее. Никс надела наушники обратно.

Её цель находилась ещё в трёх кварталах отсюда. Никс уже видела её в голове — идеальное место для нового граффити: рядом с тегом банды Берга — силуэт человека, разрывающего цепи, с огненной искрой в ладони. Граффити, похожее на то, что она уже рисовала. Голографический эффект добавит динамики — в темноте изображение будет мерцать, будто пульсировать.

Добравшись до места, она огляделась. Никого. Только пара мокрых крыс шмыгнула в щель между бетонными плитами. Никс достала баллончик, встряхнула его и начала наносить первый слой. Линии ложились ровно, привычно — руки помнили каждое движение.

Район «Ковчег» когда-то был торговым центром: многоуровневые переходы, магазины с голографическими витринами, кафе с автоматическими официантами. Теперь стеклянные фасады зияли чёрными провалами, неоновые вывески мигали, а на тротуарах валялись обрывки проводов.

Никс рисовала спокойно, штрихи шли уверенно. Опустился такой туман, что она была убеждена: никто её даже не увидит. Прерывистые линии ложились одна за другой. Закончив рисунок, Никс устала. Решила немного передохнуть, дать краске слегка обсохнуть, а потом сделать рисунок чуть ярче. Никс чувствовала Спокойствие и безопасность в таком тумане позволили Никс решить, что она может позволить себе никуда не торопиться и задержаться, дорисовывая граффити до совершенства.

Подняв правую руку, Никс обводила контур, встав на носочки. Вдруг резкая боль кольнула её в правый бок, прямо в рёбра. Это было так неожиданно, что Никс даже не вскрикнула.

Согнувшись от резкой боли, она упала и повернулась. Напротив неё стоял человек в кожаной куртке, лицо которого скрывала маска с голографическим дисплеем — она меняла узоры, размывая черты. В руке он держал нож, испачканный кровью Никс.

— Стой! — пискнула она скорее от боли, чем от страха. — Я всё закрашу!

— Ничего личного, малышка, — он присел на корточки. — Ты знала, куда лезла.

Паника накрыла её волной. Тёплая кровь текла по животу, смешиваясь с холодными каплями дождя и окрашивая асфальт под лежащей Никс. Раньше её били, ей угрожали — но никогда она не чувствовала такой близости смерти. Решив бороться до конца, она ударила по руке с ножом своим тяжёлым ботинком. Нож вылетел и упал в грязь. Она вскочила и побежала так быстро, насколько могла, — а паника помогала ей бежать ещё быстрее.

Нападающий замешкался: он просто не ожидал сопротивления от испуганной девчонки. Этого мгновения хватило, чтобы Никс скрылась в тумане. Она бежала, оставляя за собой местами след ярко-красной крови. Убийца за ней не погнался. Он посмотрел на стену, потом вслед растворившейся в тумане Никс и тоже исчез в этом тумане.

Никс забежала в бар, держась за бок и оставляя за собой кровавый след. Она вбежала к Бергу и упала на диван рядом. Все забегали вокруг неё. Но паники не было: члены банды точно знали, что нужно делать — перестрелки и ранения для них были обычным делом. Кто-то доставал бинты, кто-то резал на ней куртку, чтобы освободить рану и зашить её.

К Никс подошёл человек в очках. Осмотрел рану молча, взял щипцы и приказал двум другим держать Никс. Щипцами он раскрыл рану, чтобы проверить, как глубоко прошёл нож и не задел ли органы. Убедившись, что всё в порядке, он отдал команду зашить её. Никс зашили.

Прошла пара часов. Она перестала стонать от боли и села на край стола напротив Берга. Вид её был ужасен: заплаканные глаза с размазанной по лицу тушью, порванная до рёбер сбоку куртка, насквозь в кровавых разводах; кровью были испачканы и штаны. Никс даже чувствовала липкую кровь у себя в ботинках.

— Рассказывай, что произошло, — сказал Берг. — Хотя я и так догадываюсь — местная банда?

— Да, — сказала Никс, всхлипывая. Винить Берга за то, что она пошла туда, было не за что. В этой ситуации, скорее, Берг смотрел на Никс осуждающе.

— Было так страшно, — смотря в одну точку где-то на полу, тихо говорила Никс.

— Да, к этому привыкаешь потом, но всё равно не до конца, — пояснил Берг. — Я в первый раз вообще думал, сознание потеряю в перестрелке, а сейчас ничего — свылся.

— Этот город — помойка, — шипела Никс.

— Ещё какая, — согласился Берг.

— Так ведь из-за вас и таких, как вы, и помойка, — осудила Никс, всё ещё глядя в одну точку.

— Мы — это последствия, ты же понимаешь, — говорил Берг спокойно, пытаясь отвлечь разговором Никс от её раны. — Нас породила нищета, отсутствие рабочих мест. Ты думаешь, мы мир менять не пытались? Ты думаешь, мы не стремились найти себе место в спокойном мире? Нас на демонстрациях и протестах убили больше, чем мы друг друга убиваем в войнах за территории и влияние. Понимаешь, Никс, мы тоже думали о том, как будет лучше. Нам математически выгоднее воевать между собой, чем с корпорациями. Они убивают больше, забирают больше, чем мы забираем друг у друга на улицах. «Их законы жёстче», — Берг говорил очень спокойно, как с ребёнком, затем замолчал, о чём-то задумываясь.

— А вообще не воевать вы не думали? Ни друг с другом, ни с корпорациями? С себя бы начали — глядишь, мир бы изменился, — уже переводя взгляд на Берга, говорила Никс, сидя в луже собственной крови, медленно текущей из зашитой раны.

— Конечно, думали, Никс, — всё так же спокойно и тихо говорил Берг. — Ты дома сидела, кисточкой махала над своими картинами, пока мы на улицах в мирных демонстрациях

призывали к тому, чтобы нам дали работу, еду, какую-то альтернативу ничтожным базовым выплатам, которых ни на что не хватало. Хоть какую-то. Чтобы семьи кормить. Это уже потом начались разгоны мирных демонстраций и всё остальное. Вот ты, Никс, сидишь тут в луже крови. Начни с себя! Ты зачем туда полезла? Зачем приходишь сюда каждый раз? Я знаю, что и не только сюда. Я знаю же, знаю: ты и хакерам QR-коды и прочие ссылки на стенах иногда рисуешь. Не потому ли, что тебе работать негде? Что ты понимаешь, что корпорация, даже если даст тебе работу, она будет рабской, и существование твоё будет таким же? Ты же человек. Такой же, как мы тут все. Хоть и бешеная, но тебе же тоже хочется спокойно жить. Просто жить — без приключений, борьбы. Пусть даже звёзд с неба не хватать, а жить со своей семьёй мирно и тихо?

Никс на минуту задумалась и ответила:

— То, что корпорации нас держат на поводке, как собак, я и без тебя знаю, Берг. Я тебе о другом говорю, а ты меня никак не поймёшь. С себя надо начать. Надо быть добрее к миру. Не идти на жестокость, даже если мир тебя к этой жестокости склоняет изо дня в день. Вот тебя они сломали. Превратили в винт этой гнилой системы. Ты думаешь, ты преступник вне системы? Да банды ваши — такая же часть этой системы, как и корпорации. Просто система такая гнилая, что вот такие у неё части... — Никс задумалась ещё на минуту и продолжила: — Вы тут бегаєте, стреляете друг в друга, деньги зарабатываете себе на жизнь. Народ убиваете и грабите. Никто не ангел, я понимаю и не виню. Но вы выбор такой сделали сами. Оправдывать себя тем, что «мы продукт системы», глупо. Вот ты говоришь: «Да, мы меняли, мы пытались». Может, плохо пытались, Берг? Может, не демонстрациями и протестами надо было, а?.. Может, как-то иначе? — Никс погрузилась в себя, задумалась и съёжилась от боли.

— А как, Никс? Нет, ты если знаешь, ты мне скажи. Мы сделаем. Если у тебя ответ есть, как общество спасти и всем жить долго и счастливо, ты поделись. Мы, может, твоего ответа и ждали тут все, — не без иронии говорил Берг. Алиса

Но Никс его уже не слушала, она была погружена в свои мысли. Для себя она поняла, что Берг был прав во многом. И уж точно в том, что Никс ничего ещё сама не понимает до конца.

— Берг, попроси кого-нибудь, чтобы меня домой отвезли. Я хочу спать.

Тот махнул рукой, и огромный человек с множеством шрамов на лице аккуратно взял Никс на руки и унёс из бара в машину. Он принёс Никс домой и сказал:

— Ты маленькая ещё, глупая. Но Берг сказал, что видит в тебе что-то. Я вот посидел, разговоры твои послушал в баре и думаю, что, надеюсь, доживу до того момента, когда смогу узнать, что же это в тебе такое есть особенное. — С этими словами он подошёл к тумбочке, достал из-за пояса пистолет и нож и оставил их на тумбочке Никс.

— Вот, я это тебе оставлю. Ты маленькая ещё, живёшь в своём мире рисуночков, побегов от дронов, штрафов за вандализм. Но вот сегодня мир заставил тебя повзрослеть, и опасности пришли взрослые. Поэтому вот оставляю тебе тут и взрослые средства безопасности.

Мужчина закрыл дверь и ушёл.

Тем временем Берг сидел в баре, изучая данные на голограмме. Сообщения о голографическом послании в «Ковчеге» уже начали появляться в закрытых чатах. Он увеличил изображение — анимация была безупречна.

— Умница, Никс, — пробормотал он.

ГЛАВА 3. ПРОБУЖДЕНИЕ

После произошедшего на «Ковчеге» утро беспощадно вернуло Никс из спокойного сна в реальность. Она проснулась с тяжёлым вздохом. Боль в боку напомнила о себе, сковывая движения. Она медленно поднялась с дивана, стараясь не делать резких движений, налила кофе дрожащими руками и села за стол. Тишина комнаты давила, но именно в ней мысли обретали форму.

Что-то менялось внутри — неясно, неуловимо, но ощутимо. Никс не могла объяснить, что именно, но чувствовала, что этот день будет другим. Не мир изменится — изменится она.

Последние события заставили её задуматься. После нападения она начала медленно понимать, что мир не чёрно-белый. Каждый здесь выживает как может, и иногда приходится делать выбор между идеалами и реальностью. Она вчера говорила Бергу: «Не надо отвечать злом на зло». Но сейчас ей больно, страшно, а на тумбочке лежит пистолет и нож, которые могут помочь ей больше не бояться так сильно.

Она вспомнила слова Берга о том, как они пытались изменить мир мирным путём. Вспомнила, как сама рисует граффити и верит, что искусство способно изменить сознание людей. Но теперь понимала — одного искусства недостаточно.

Сейчас её руки дрожали, но не от страха — от внутренней борьбы. От диссонанса, который она не могла перебороть в себе. Она больше не могла отрицать очевидное: иногда приходится защищаться, иногда приходится идти на компромиссы.

Она больше не верила в абсолютное добро или зло, но знала одно — насилие не должно становиться единственным инструментом борьбы.

В этот самый момент Никс проходила внутренний путь от идеализма к пониманию сложности мира. Она думала, что Берг во вчерашнем разговоре был прав.

«Может ли революция быть без крови?» — этот вопрос терзал её душу с тех пор, как она впервые столкнулась с жестокостью системы. Граффити казались уже слишком слабым оружием против танков и дронов, но и поднять оружие против людей она не могла. Но... В памяти всплыли слова Берга о тщетности мирных протестов. Он видел, как демонстрации разгонялись, как людей арестовывали за попытки изменить мир через диалог. А она? Разве её граффити не были той же попыткой диалога, только на языке красок и символов?

Она понимала: мир не изменится, пока люди не перестанут бояться. Но как заставить их действовать, не толкнув к насилию?

«Мы все делаем выбор каждый день», — думала Никс. Выбор между страхом и действием, между насилием и убеждением, между идеалами и реальностью.

Никс включила монитор. Хакерские новости мелькали на экране, восполняя пробелы минувшей ночи. В углу экрана мигало уведомление: новое «Голографическое послание в «Ковчеге» появилось ночью. Рядом со знаком банды «Стелс» снова было написано: «NIX». «Она никуда не делась, она с нами, она ещё дышит вместе с нашим городом, напоминая нам, что мы ещё живы».

Никс увеличила изображение и улыбнулась — анимация вышла безупречной.

— Умница, Никс, — пробормотала она себе под нос, сама не зная, что повторила слова Берга.

Она повторяла про себя снова и снова одни и те же мысли, облечённые в разные слова. Но все они звучали об одном: выбор — это не чёрное или белое, а множество оттенков серого. Где насилие — не решение, но иногда необходимость. Где идеалы остаются идеалами, но реальность требует компромиссов.

Где-то в сердце города Берг укреплял свои позиции. Он отдавал приказы о продолжении захвата района «Ковчег»: бойцы зачищали то, что осталось от вражеской банды и не попало под арест корпораций в прошлый рейд. После взятия района началась активная поставка контрабанды через незафиксированные тоннели метро. Берг предвкушал прибыль и укрепление влияния благодаря контролю над подземными путями.

В этот момент Никс лечилась дома. Она чувствовала себя комфортно на окраине, но сегодня стены, прежде хранившие тепло, казались частью огромной машины — системы, созданной корпорациями. Мысли Никс кружились вокруг того, что на улицах каждый шаг, каждый вздох фиксировался невидимыми камерами. Это бесило, душило.

Она не помнила мира до корпоративного «порядка», не знала, как можно жить иначе. Но то, что видела вокруг, вызывало глухую ярость: страдания соседей, аресты за малейшее неповиновение, бунты, гасимые словно спички, повсеместная слезка. Город превратился в тюрьму, где даже воздух был пропитан страхом. Больше всего как художника её душила, как ей казалось почти физически, цензура.

Пока Никс восстанавливалась дома, залечивая рану и приводя себя в порядок, шли недели, потом прошёл месяц. Мысли её кипели в голове, превращаясь во что-то страшное. Они обретали форму, её старые убеждения разрушались, другие крепили, иногда и вовсе образовывались новые. Эта передышка, этот отдых позволил ей перестать бежать. Остановиться и разобрать по полкам накопившийся в голове беспорядок. Не покидая квартиры, она заполнила блокнот множеством эскизов — от красивых метафор и эффектных пейзажей до радикальных призывов. «No name. No past. Only revolution» — звучал один из её новых лозунгов со страницы блокнота. Всё это время она размышляла о своём месте в мире и смысле того, что делает.

Всё время, что Никс была дома, она общалась по телефону с подругой, которую зовут Диззи. Это общение помогло ей не сойти с ума окончательно. Никс и Диззи давно не виделись, но часто созванивались и поддерживали друг друга по телефону. Диззи прекрасно знала, чем занимается Никс, и следила за её «успехами» через закрытые каналы. Вот и сейчас Никс решила позвонить подруге.

— Алло, Диззи? «Ты меня слышишь?» — прошептала Никс в наушник.

— Слышу, Никс. Как ты себя чувствуешь? — раздался в ответ спокойный голос подруги.

— Знаешь, — сказала Никс, — сегодня что-то другое.

— Я это чувствую, — ответила Диззи. — Твои показатели стабильны, но эмоциональный фон...

Никс улыбнулась. Даже в такой момент Диззи оставалась собой — анализировала, просчитывала.

— Диззи, слушай, я тут подумала... Может, посмотрим что-нибудь вместе? У тебя же есть доступ к старым фильмам, помнишь, как мы раньше... — голос Никс звучал немного устало, но с ноткой надежды.

— Конечно! — оживилась Диззи. — У меня как раз есть подборка забавных комедий из старых архивов. Можем устроить виртуальный киновечер.

— А давай! — улыбнулась Никс. — Только без твоих графиков и аналитики, ладно? Просто как раньше, когда мы обсуждали героев и спорили, кто из них круче. А кто это у тебя там пищит на заднем фоне, Диз? — спросила Никс.

— Не обращай внимания, это моя младшая сестра, Миа, помнишь её?

— А, точно, вспомнила, — улыбнулась Никс. — И сколько ей уже?

— В прошлом месяце исполнилось 9.

— Ну ладно, успири эту непоседу. Что там по фильму?

— А, фильм! — рассмеялась Диззи. — Лучше расскажи ещё, как твои эскизы? Нашла что-то новое для вдохновения?

— Знаешь, — задумчиво произнесла Никс, — пока не до этого. Есть идеи, на планшете сохраняю, но пока не радуют саму меня.

— А давай я подключусь к твоей системе и посмотрю? — предложила Диззи.

— Нет, — покачала головой Никс, хотя Диззи не могла этого видеть. — Пусть это останется пока только для меня.

— Хорошо, — согласилась Диззи. — Но я всё равно горжусь тобой. Даже когда ты просто рисуешь закаты.

— Спасибо, Диззи, — искренне произнесла Никс. — Знаешь, иногда мне кажется, что без твоих слов я бы сошла с ума.

— Ну уж нет! — фыркнула Диззи. — Хотя мне кажется, ты уже сошла. Просто иногда нужно дать себе право на отдых. Даже самым неугомонным бунтарям.

— Ладно, убедила, — улынулась Никс. — Так что там с фильмом? Готовь попкорн, аналитик!

— Уже готовлю! — рассмеялась Диззи. — Только мой попкорн измеряется в гигабайтах...

Подруги включили фильм и провели вечер за просмотром кино, комментируя сюжет друг другу в наушники.

Когда рана наконец затянулась и силы вернулись, Никс встала у окна, глядя на серые, дождливые и такие любимые ей улицы. В груди нарастало что-то горячее, почти неустойчивое. Отражение неоновых бликов рекламы мерцало у неё на лице, пролетающие мимо рекламные дроны отсвечивали то жёлтым, то фиолетовым, то красным. Она открыла блокнот: страницы пестрели лозунгами, метафорическими образами, пейзажами, в которых город казался живым существом — больным, израненным, но не сломленным. Каждый рисунок был словом в её молчаливом протесте.

Никс не винила ни Берга, давшего ей опасное задание, ни нападавшего, ударившего ножом в бок. Вину она возлагала на корпорации. Несмотря на разговор с Бергом, где она обвиняла его в том, что люди сами выбрали путь банд, она была убеждена: корпорации принудили их к такой жизни, не оставив выбора.

Ведь люди ломались не сразу. Изменения наступали постепенно: голод, отсутствие работы и перспектив гасили свет лучшего будущего. Отчаяние толкало в пропасть, где единственным выходом казалось стирание старой морали и установление собственных правил — не на благо общества, а ради личной выгоды. Ведь когда каждый преследует лишь свои интересы, рвёт этот мир для себя на части, сложно поступать иначе. К этому привыкаешь. И уже добродетель, добросовестность и просто хорошее и человеческое отношение казались всем странными. Мир изменился изнутри. Люди стали другими: циничными, голодными, злыми.

В сознании Никс удар ножом нанёс сам город. Всё, что творили люди — от полицейского произвола корпораций до криминального разгула банд, — она ощущала как личные деяния города, изуродованного корпорациями.

Для Никс врагами были не отдельные люди и не безымянные руководители корпораций. Врагом стала система — как явление, как идеология. Поэтому её война шла через граффити и голограммы, через искусство. Она должна была проникнуть в души людей для победы в этой войне, которую, видимо, она вела сама с собой. Она избрала идеологическую борьбу — крик через искусство, способное изменить сознание и привести к революции, как она считала. К тому, чтобы люди снова стали видеть прекрасное. Чтобы они снова стали живыми.

После долгого перерыва Никс хотела создать что-то яркое, глобальное, особенное. Вынужденная передышка и рефлексия дали ей внутреннюю энергию — словно искра упала на сухую траву, и пламя решимости вспыхнуло, толкая к действию.

«Искусство — это оружие», — думала Никс, собирая рюкзак. Она сверилась с картами, упаковала проектор и проверила трафареты. Настало время дерзкого граффити — не на окраине, а в корпоративном районе, куда можно было попасть через тоннели Берга.

Рисовать там было опасно. Полиция могла открыть огонь, а за поимку грозило тюремное заключение. Корпорации считали граффити на окраинах вандализмом, а в корпоративных районах — бунтом, вызовом строю.

Стоя напротив зеркала, Никс надела чёрный парик, любимые синие неоновые линзы, кожаную куртку и чёрные штаны с плотными резинками на голених. На ноги — чёрные беговые кроссовки, украденные когда-то из лавки в чужом районе. Они стоили дороже её обычной одежды и использовались только для тихих операций, в отличие от ботинок на магнитных подошвах. Накинув капюшон, она вышла на улицу, закурила и выпустила дым в небо. Посмот-

рев в карманное зеркальце, она сняла чёрный парик, расправила свои зелёные волосы, бросила парик в воду и пошла.

На этот раз она шла не переулками, скрываясь от камер, а по центральным улицам, не обращая внимания на прохожих. Люди казались ей неодошевлёнными тенями города, призраками, NPC. Никс шла к подруге, к Диззи, которая работала на корпорацию и была в ней аналитиком. Никс не стала предупреждать Диззи, что придёт к ней, как вдруг:

— Никс! — голос Диззи прозвучал тепло и немного взволнованно.

Никс едва не подпрыгнула от неожиданности и остановилась, вглядываясь в подругу.

Подруги не теряли связи по телефону, но много лет не виделись, потому что их пути разошлись ещё во времена школы. Та почти не изменилась — те же светло-карие глаза за очками, та же лёгкая улыбка, которая, казалось, была уже особенностью её выражения лица, светлые послушные волосы. Диззи была немного похожа на Никс острыми чертами лица, но её взгляд был иным, возможно, из-за ровных бровей, лишавших её взгляд дерзости, но придававших нотку высокомерия. Диззи была выше Никс почти на голову, аристократически стройная, всегда держала осанку. Её взгляд мог показаться слегка надменным из-за ощущения интеллектуального превосходства, но это была только иллюзия. Диззи была невероятно доброй и эмпатичной. Она предпочитала строгие стили в одежде: плащи, пальто, блузки и длинные юбки. Дресс-код работы корпорации так въелся в голову Диззи, что она уже не представляла себя выглядящей иначе.

Часто она во время работы собирала длинные волосы в аккуратный хвост, но сейчас они были распущены. Диззи сохранила свой классический облик, который почти не менялся с юности. В ней было что-то располагающее с первого взгляда — спокойное достоинство. Манера держаться выдавала в ней человека, привыкшего к офисной среде: прямая осанка, аккуратные жесты, привычка поправлять очки, когда она о чём-то глубоко задумывалась. Даже в неформальной обстановке она сохраняла определённый этикет в общении.

Внешнее спокойствие Диззи не было маской — это была её естественная реакция на мир. В моменты сильного волнения она машинально поправляла волосы или протирала стёкла очков, но никогда не теряла самообладания.

В ней не было ярких черт, которые сразу приковывали внимание, но именно эта сдержанная внутренняя сила делали её образ запоминающимся.

— Диззи! — Никс обняла подругу. — А я как раз к тебе шла. Сколько можно созваниваться и так долго не видеться, хотя живём в одном городе!

Они присели на влажный парапет, укрывшись от дождя старым плащом Диззи.

— Знаешь, а ты права, — ответила Диззи, поправляя очки, — иногда я жалею, что мы разошлись по разным дорогам, было весело в школе.

— А я нет, — честно ответила Никс. — Каждый выбрал свой путь. И, кажется, мы обе счастливы в своём выборе, но в школе и правда было весело. — Никс закурила.

— Не уверена насчёт счастья, — усмехнулась Диззи. — Но я точно нашла своё место. Работаю аналитиком в корпорации, помогаю оптимизировать системы. У меня это хорошо получается, и, главное, я вижу, что это помогает. Не где-то там, а уже здесь и сейчас.

— По телефону ты об этом не говорила, — удивилась Никс. — Я и не знала, что ты в корпорации. Это неплохо, но я бы дважды думала, что обсуждаю с тобой по телефону, — пошутила Никс, но в шутке была и доля правды. — И что, чувствуешь, что меняешь мир к лучшему? — В голосе Никс прозвучала лёгкая ирония.

— Не весь мир, конечно, — призналась Диззи. — Но делаю жизнь конкретных людей удобнее. Причём, в отличие от некоторых, всё официально. А ты... Твои граффити до сих пор вдохновляют людей.

— Вдохновляют или злят? — хмыкнула Никс. — Ты же знаешь, Диз, у меня на эти вещи свой взгляд. Я прекрасно понимаю, что ты можешь думать, что я не очень умная и зря трачу жизнь, не нашла работу, не строю карьеру. Но это моё.

— И злят, и вдохновляют. И то, и другое. Но главное — заставляют думать. Ну или раньше заставляли. Я ведь тоже есть в соцсетях, вижу твои теги по городу. И вообще, как-то ты странно заговорила. Никогда я так не думала. Ты на своей волне, и это твоё право. А помнишь, как мы мечтали изменить мир искусством? Точнее, ты мечтала и втянула меня в эту мечту, — решила сменить тему Диззи.

— Помню. Только теперь понимаю, что искусство — это не только краски и холст. Это какая-то энергия, понимаешь? Это крик, вызов. Это проекция в этот мир того, чего ему не хватает, — с воодушевлением заговорила Никс.

— Это, я думаю, верно, — согласилась Диззи. — Мне нравится, как у тебя горят глаза, когда ты говоришь об искусстве. Но для меня искусство — это скорее защита, а не оружие. Способно ли оно поменять мир — это сложный вопрос. Мир могут поменять люди, а нынешние люди далеки от искусства... Так что скорее нет, чем да в нынешних реалиях. Для меня искусство — это возможность прикоснуться к прошлому. Это возможность путешествовать по истории, культуре. Но, повторяюсь, в моих глазах искусство — это что-то прекрасное, оно про любовь, а не про протесты.

— И иногда, — продолжила Диззи, — достаточно просто оптимизировать очередь в больнице, чтобы спасти чью-то жизнь. Вот этими вещами я и занимаюсь. Решаю проблемки, сложности. Между нами говоря, я очень собой довольна в этой должности.

— Это заслуживает уважения, Диз. «Ты права», — сказала Никс. — Жаль, что не все в корпорации такие, как ты, и занимают свои должности, чтобы действительно делать то, ради чего эти должности и создавались. Но вот я... Иногда нужно громко кричать о проблемах, чтобы их заметили, понимаешь?

Они замолчали, наблюдая за каплями дождя, стекающими по стеклу. Их разговор выглядел будто спор, кто лучше делает для города добрые дела.

— Знаешь, — нарушила молчание Никс, — я думаю, что мы обе правы по-своему.

— Именно, — кивнула Диззи. — Просто мы выбрали разные инструменты для одной цели.

— И что теперь? — спросила Никс. — Продолжим спорить, кто из нас «правильнее»?

— Нет, — улыбнулась Диззи. — Просто будем помнить, что даже в этом безумном мире есть место и для аналитики, и для протеста.

— Красиво сказала, тут не поспоришь. Ну и для нашей дружбы место, раз уж заговорили о высоком, — добавила Никс, протягивая руку.

— И для дружбы, — согласилась Диззи, пожимая её.

Вдруг Никс замерла, будто бы вслушиваясь в пустоту.

— Ты знаешь, Диззи, мне сейчас знакомый в наушник сообщает, что у нас патрули ушли из района. Такое хорошее время, чтобы подработать и разрисовать пару стен. Я побегу минут через 20.

Дождь постепенно стихал, словно давая им время на разговор. Две подруги, выбравшие разные пути, сидели на мокром парапете и понимали: их дружба крепче идеологии.

— Может, как-нибудь встретимся ещё, посидим, поболтаем? Нам надо больше видеться. Я скучаю, — призналась Диззи.

— Обязательно, — кивнула Никс. — Только не здесь и не сейчас.

Они обсудили прошлое, вспомнили смешные истории из детства, рассмеялись, и каждая пошла своей дорогой: одна — в мир цифр и алгоритмов, другая — в мир красок и протеста. Но обе знали: их дружба осталась прежней, несмотря на некоторые различия.

Никс по дороге домой вспомнила, как в школьные времена стояла у окна, рисуя что-то в блокноте, пока Диззи корпела над очередным уравнением.

— Слушай, — Никс резко повернулась к подруге, — у меня есть идея!

— Опять что-то безумное? — Диззи подняла бровь, не отрываясь от тетради.

— Ещё безумнее, чем обычно! — Никс заговорщически подмигнула. — Помнишь старый склад за школой?

— Тот, где директор запретил появляться, потому что он может рухнуть нам на голову?

— Именно! — Никс уже представляла, как будет там рисовать. — Можем устроить там секретную выставку.

— И как ты себе это представляешь? — Диззи отложила ручку. — Директор нас приберёт.

— А мы сделаем так, чтобы не прибил. Ты же можешь что-то придумать, верно?

Следующие два дня подруги разрабатывали операцию «Секретная галерея». Никс занималась маскировкой и поиском материалов, а Диззи просчитывала графики патрулей охранников и системы безопасности.

— Готова? — шёпотом спросила Никс, когда стемнело.

— Почти, — Диззи сверилась с данными на планшете. — Через три минуты охранник сменит позицию.

Они пробрались на склад через вентиляцию, которую нашла Никс. Помещение было огромным, заваленным старым оборудованием.

— Вау! — Диззи огляделась. — Здесь можно создать что-то невероятное.

Никс уже доставала баллончики с краской, кисти, маркеры.

— Начнём с центрального зала. Ты занимаешься освещением, а я — оформлением.

Три ночи подряд они превращали заброшенный склад в произведение арт-искусства. Диззи создала систему подсветки, которая меняла цвета в такт рисункам Никс.

— Знаешь, — сказала Диззи, глядя на законченную работу, — ты права. Иногда нужно нарушать правила, чтобы создать что-то по-настоящему особенное.

— А ты права в том, — ответила Никс, — что без плана это просто хаос.

Вспомнив эту историю, Никс погрузилась в размышления. «Как же мы вообще подружались? — думала она. — Она воплощение порядка и логики, я... всё это не люблю. Наверное, именно поэтому наша дружба и работает».

В ней столько прагматизма, что иногда хочется встряхнуть её как следует. «Система не терпит анархистов», — говорит она. А я думаю: да пусть терпит! Не она первая, не она последняя, — размышляла Никс, шагая и разговаривая сама с собой.

«Смешно. Как будто жизнь — это уравнение с одним правильным ответом. А я знаю, что правильных ответов миллион!»

«Интересно, — продолжила Никс мысль уже в своей голове, не говоря вслух, — что она никогда не пытается меня изменить. Просто принимает такой, какая я есть. Наверное, это и есть настоящая дружба — когда можешь не разделять взгляды человека, но уважать его выбор».

Их встреча не прошла незаметной и для памяти Диззи. Она слышала из новостей о том, что происходит. Диззи следила за делами Никс и переживала за неё. Она знала, что не могла ей помочь. Она слишком хорошо знала Никс, чтобы понять, что бесполезно отговаривать её от того, что она задумала.

Диззи часто вспоминала Никс. Вот и сейчас, после встречи, она думала: «Смотрю я иногда на Никс: как же она до сих пор не угодила за решётку? Её импульсивность граничит с безумием, а её протесты — с самоубийством. Но в этом и есть её суть — чистая, неприкрытая, настоящая. Каждый раз удивляюсь, как ей удаётся выходить сухой из воды. Может, потому что она не думает о последствиях?»

И ведь рискует всем — свободой, жизнью, будущим. Но каждый раз, когда пытаюсь её отговорить, понимаю — это бесполезно. Её нельзя переубедить, нельзя заставить мыслить рационально. И, наверное, это правильно.

Её бунт не просто протест — это образ жизни, философия существования.

Иногда мне кажется, что она живёт в параллельной реальности, где правила не имеют значения. Где граффити важнее диплома, а протест — ценнее стабильности. И я не могу её за это винить».

В то же время Никс уже вернулась домой после того, как разрисовала очередную стену. Но её мысли крутились вокруг их встречи с Диззи. Никс и Диззи были подругами, но, когда жизнь развела их по разным дорогам, их общение осталось только в динамиках телефонов и наушниках. Но эта встреча воскресила в памяти Никс их дружбу и теплоту этой дружбы.

Никс устала действовать в одиночку, точнее, ей стало не хватать поддержки, чувство одиночества стало часто её терзать сильнее обычного. Она знала, что Диззи поймёт её мотивы и при этом сможет взглянуть на ситуацию под другим углом и, что было важно, не осудит. Никс знала, что Диззи — её рука, протянутая ей всегда, когда ей нужна помощь.

Собравшись с духом, Никс отправила сообщение:

«Нам нужно поговорить. Это важно».

Ответ пришёл почти мгновенно:

«О чём именно?»

«Приходи и узнаешь»).

Долгое молчание. Никс уже было решила, что Диззи не ответит, когда пришло новое сообщение:

«Завтра. 18:00. Старый парк».

На следующий день Никс пришла раньше назначенного времени. Она нервно расхаживала по парку, разглядывая граффити на стенах парка, которые были её старыми работами, и курая сигарету за сигаретой.

Диззи появилась ровно в шесть. Как всегда пунктуальная. На этот раз Никс заметила, что Диззи изменилась — стала более собранной, более расчётливой. Но в глазах всё ещё читалась та же искра, что и раньше.

— Что ты хочешь мне сказать? — спросила Диззи без предисловий, улыбаясь тому, насколько серьёзной выглядела Никс.

Никс глубоко вдохнула и, смотря Диззи прямо в глаза, слегка прищурилась, будто пытаясь заглянуть ей в душу.

— Мы ведь хотели перемен, Диз? Я понимаю, что ты работаешь в корпорации и у тебя мало свободного времени, но теперь... теперь мы можем работать вместе.

— Вместе? — Диззи усмехнулась, не выдержав серьёзности Никс и накала разговора. Но, увидев решимость подруги, мгновенно стала серьёзной. Она поняла, что для Никс это не просто бунт или протест. Та девочка, которую Диззи знала в школе, уже не просто шалит — она задумала что-то серьёзное.

— Ты серьёзно думаешь, что твои граффити что-то изменят? — спросила она. — Ну поговорят о них, ну вспомнят что-то. Обсудят и создадут информационный шум, а дальше?

— А ты серьёзно веришь, что цифры могут изменить мир? — парировала Никс. — Очередь в больнице стала короче, а город как разлагался изнутри, так и разлагается. Свобода, Диззи, наша с тобой свобода и свобода каждого в этом городе просто убита. Жестоко убита, а перед этим была замучена. Её замучили, убили, и тело свободы закопали в канаве, Диззи, нашу с тобой свободу убили! — горячо говорила Никс, расхаживая туда-сюда.

— Давай присядем, Никс, — предложила Диззи, видя, как взволнована подруга.

Они сели на скамейку. Никс крутила в пальцах старую монетку, лежавшую в кармане как сувенир. Вокруг шумел город, а между ними разворачивалась философская дуэль.

— Мы можем объединить наши силы, — настойчиво говорила Никс. — Ты знаешь систему изнутри, я знаю, чего она боится. Ты же понимаешь, что политика корпораций сейчас сильно ограничивает людей. Их свободу слова, свободу самовыражения. Всю свободу целиком, в чём бы она ни проявлялась. А я не могу молчать. Я правда считаю, что молчать и без протеста наблюдать за тем, как корпорации ограничивают свободу, когда можно их обличать — это поступок даже противообщественный, говоря на твоём языке. Это значит поощрять их и дальше. Протест в этих случаях — наш долг!

Диззи молчала, обдумывая предложение. Никс видела, как в её глазах борются сомнения и желание действовать.

— Система не терпит анархистов, — произнесла Диззи. — А ты предлагаешь нарушать закон, Никс.

— А я не терплю системы, которые душат свободу, — ответила Никс. — И этот закон уже давно погран теми, кто должен был его защищать. От этого слова «закон» только слово и осталось.

— Да что ты пристала со своей свободой, Никс? — вскочила Диззи. — Что с твоей свободой не так? Стены нельзя разрисовывать? Так и в любом нормальном обществе разрисовывать нельзя!

— Да при чём тут стены? — возмутилась Никс. — Мы живём с тобой в эпоху технологий. Эти технологии уже давно стали обыденностью. Но как их начали использовать, Диз? Камеры на каждом шагу, распознавание лиц — и всё это без нашего согласия. Весь оставленный нами цифровой след, всё, что мы ищем в сети, куда заходим — отслеживается, анализируется и используется для манипуляции и контроля. Алгоритмы ИИ давно анализируют преступления, где искать «экстремистские настроения». И ты думаешь, система безошибочна или используется только для блага? Господи, Диззи, открой глаза!

— Может, отчасти это и так. Но, во-первых, ты скачешь с темы на тему — то у тебя свобода убита, то закон. И даже если так, это для безопасности, и ты это знаешь. Нас бы захлестнула анархия и преступность. А во-вторых, мне не нравится твой подход. То, что ты хочешь, можно делать, не нарушая закон.

— Диззи, если ты продолжишь говорить такую чушь с таким серьёзным лицом, мы с тобой подеремся. Какая безопасность? Где грань, за которой защита превращается в тотальный контроль и манипуляции, в ограничение наших свобод? Скажи мне, где? — Никс продолжала, её глаза горели праведным гневом. — Ты понимаешь, Диз, что угрозы нет, они её сами создали, чтобы нас ограничить под этим предлогом, точнее, раздули её. А нам нужна золотая середина, чтобы меры безопасности не превращались в тиранию они должны соответствовать угрозе.

Массовый сбор данных, Диз, оправдан при расследовании терактов. А не меня ловить за граффити, ты понимаешь? И я не только о себе. Ты слышала о правах человека, Диз? Сейчас даже звучит смешно, да? А они у нас есть! Во всяком случае должны быть... Технологии должны служить людям, а не контролировать их, а корпорации должны быть подотчётны обществу. А ты иди сейчас и попробуй узнать что-то, что, по их мнению, ты знать не должна. После одной такой попытки я уже даже не буду знать, где тебя искать.

Несколько минут они молчали, каждый погружён в свои мысли.

— Знаешь, — начала Диззи, — я изучала социологические модели. Твой подход неэффективен.

— А твой подход просто оправдывает существующий порядок, господи, Диз, да очнись! — возразила Никс.

Их диалог перерос в глубокий философский спор о природе протеста, изменениях и человеческой природе.

— Что важнее — порядок и безопасность или свобода? — спрашивала Диззи.

— Что действеннее — революция или эволюция? — парировала Никс.

— Может, истина где-то посередине? — размышляла Диззи вслух.

— Может, истина в том, что нет единственно верного пути, — отвечала Никс.

К концу вечера они пришли к интересному выводу.

Диззи долго размышляла над предложением. Она анализировала риски, просчитывала вероятности, подвергала сомнению каждый аргумент.

«Может ли бунт быть рациональным? — думала она. — Может ли протест быть просчитанным?»

В итоге она поняла:

— Никс права, а если не права — её подруга. Иногда нужно выйти за рамки логики, чтобы увидеть полную картину.

Когда она согласилась присоединиться к Никс, то произнесла:

— Я не разделяю твои методы, но понимаю их необходимость. В чём-то ты действительно права, но только в чём-то! Вместе мы можем создать что-то большее, чем просто протест, сделать это аккуратнее и эффективнее, а не вандализм распространять, как ты это любишь делать.

В конце Диззи добавила:

— Я помогу тебе. Но не из-за твоих идеалов или твоих речей о свободе. Из-за нашей дружбы.

— Во-первых, вандализм — это то, что ты говоришь, — обиделась Никс на то, что её граффити Диззи назвала вандализмом, — а во-вторых, насколько это рационально? — спросила Никс с ухмылкой.

Диззи ничего не ответила.

Соглашаясь с Никс, Диззи в глубине души не воспринимала слишком серьёзно деятельность Никс. Она понимала, что это незаконно, но не верила, что рисунки Никс на стенах могут вызвать какие-то чрезвычайные последствия.

Никс уже представляла, как их союз станет символом того, что философия протеста может быть разной, но цель может быть единой. Как они создадут не просто движение — а философию перемен, где логика и бунт, порядок и хаос, рациональность и интуиция слились воедино.

«Может, именно в этом и есть истина, — думала Диззи, глядя на город, — в единстве противоположностей».

Никс обрадовалась, что Диззи согласилась с ней. Она кинулась подруге на шею, обняла ее и чмокнула в щеку. Диззи села на скамейку и Никс легла ей на колени.

- представь, Диззи, говорила Никс – мы вернем людям огонь в глазах. Они снова будут ходить в музеи, галереи, а там будут висеть мои картины. Нам надо только немного изменить порядок. Я думаю люди себя еще не потеряли, просто быт, сложности жизни... Им просто некогда думать об искусстве, им не до прекрасного, когда они хотят есть и боятся полицию. Но немного исправим ситуацию. Все будет как когда-то давно, арт-площадки, выставки. Никс говорила это лежа на коленях у Диззи глядя в дождливое небо. Диззи улыбалась, слушала Никс и казалось бы специально заставляла себя верить в то, что Никс справится.

- Твоя идея чистая Никс, чистая и хорошая. Но миру сейчас правда не до тебя и не искусства. В этом нет ничего плохого, просто сейчас такое время, оно пройдет. Нам только надо спокойно жить, работать, делать то, что мы можем для того, чтобы стало лучше. Я работаю и работаю хорошо, справляюсь. Мне кажется мой мир не так мрачен как твой. Но я тебя понимаю. Сделаем несколько твоих акций, проявим искусство в массы, да?

- Никс продолжала мечтать лежа на коленях Диззи. – Да! Души людей надо зажечь. Представь разговоры о чем-то созидательном по окраинам и дворам, что люди делятся впечатлениями об увиденных работах, а не о том, что все плохо или что нужно сделать, чтобы не попасться

на очередном взломе какой-нибудь системы. Даже вопреки тому, что корпорации пытаются навязать контроль и цензуру цветы будут прорасти сквозь асфальт. Я сделаю для этого все!

Диззи слушала, гладила Никс по голове. Она просто давала подруге возможность помечтать, хотя сама думала, что из этого едва ли что-то выйдет. Но Диззи это было не важно. Момент, который они проживали был наполнен жизнью как никогда. Диззи слушала Никс, Никс погружалась в свои фантазии, они улыбались и тепло того, что в этом мире они ни одни грело их даже в дождливый вечер. Хулиганка и вандал с окраин города лежала в парке на скамейке на коленях аналитика корпорации и мечтала улыбаясь погруженная в эти мечты. Она чувствовала себя живой. Что ее ценят и любят. Что даже несмотря на то, что она не дает покоя городу ночами раскрашивая стены, убегая от полиции ее подруга, аналитик корпорации, которая должна отрицать подход к жизни Никс и саму Никс считать сумасшедшей гладит ее по голове и никогда не оставит одну.

Спустя некоторое время, когда Никс все же замерзла под дождем она встала: — Ладно, Дизз, — произнесла Никс, счастливая и довольная тем, что подруга согласилась помочь. — Мне нужно идти, у меня ещё есть дела по работе и еще я очень замерзла. Давай свяжемся позже и решим, что и как мы будем делать.

— Конечно, Никс, — ответила Диззи. — Будь аккуратнее. Знаю я твои дела. А то не будет никакого протеста и твоих революционных идей. Я к тебе в камеру ходить навещать не буду, мне служба в корпорации не позволит, — пошутила Диззи.

— Да ну тебя, Дизз, — отмахнулась Никс и стала уходить.

Она двигалась спокойно и решительно — в бар Берга, просить доступ в тоннели.

Диззи горячо любила свою подругу. Она ни один раз слышала от родителей, что Никс плохо влияет на Диззи, но пропускала это мимо ушей. С самой школы они дружили и Диззи знала Никс лучше всех. А будучи аналитиком она прекрасно понимала почему Никс делает то, что делает. Она никогда не теряла связи с Никс, всегда была в курсе ее дел. Но Диззи знала, что ее привязанность к Никс не односторонняя, и что Никс не задавая лишних вопросов пойдет за Диззи в огонь. Но Диззи с ее аналитическим умом никогда не доводила ситуации до «огня». Там, где Никс была способна решить любую проблему, Диззи просто не позволяла этой проблеме произойти.

Никс шла в бар Берга с таким теплом внутри, что казалось дождь попадая на ее горячую кожу испарялся. Поддержка Диззи была для нее той опорой, которая позволяла не просто не опустить рука, а верить, что Никс может все. Как порой важно, чтобы нас поддерживали. Знать, что есть близкий человек, понимающий и разделяющий то, что тобой движет. Пусть он может быть не согласен, пусть думает, что ты сошел с ума, но никогда не отвернется. Никс думала об этом и была благодарна миру за то, что у нее есть Диззи.

Берг в баре занимался обычным для него делом: отслеживал успехи проведенных операций, планировал новые, математически оценивал исход и выгоду того или иного мероприятия.

Когда-то давно, в прошлой жизни, Берг был преподавателем социологии в школе, где училась Никс. Он знал её с детства. У Берга была семья: жена и подрастающий сын, который был на пару лет младше Никс.

Когда начались первые беспорядки, первые демонстрации — тогда ещё мирные, обычные митинги, — Берг принимал в них участие. Ему это казалось просто выражением его гражданской позиции. У него была работа, любящая семья, не было проблем. На митингах он скорее поддерживал своих друзей и знакомых, лишившихся работы и дохода из-за того, что ИИ забрал их под свой контроль. А корпорации отказались платить людям довольствия, которые выплачивались раньше после освобождения их от работы.

Люди не требовали денег просто так — они требовали рабочие места. Их не было. Корпорации создали мир, в котором необходимость в труде людей отпала. Удерживать людей на их

должностях было дороже, чем оплачивать операторам и инженерам, поддерживающим работу серверов ИИ, которые вытесняли людей с рынка.

Мирные демонстрации вскоре стали бунтами. От голода и безысходности люди уже не просили, а требовали рабочие места. После подавления первых бунтов люди начали учинять беспорядки: грабежи магазинов, продуктовый кризис. Когда рынок начал работать со сбоями, поставки продуктов и предметов первой необходимости прекратились — вспыхнули новые волны протестов. Затем ещё и ещё.

Корпорации приняли решение подавить бунты настолько решительно и показательно, чтобы общество больше не решалось на подобное. В городе началась бойня. Многие родители учеников, которые учились в школе, где преподавал Берг, погибли на этих бунтах. Дети остались сиротами, перестали посещать школу. Некоторые коллеги Берга также погибли на митингах. Школу закрыли.

Берг остался без работы и средств к существованию. Выходя на один из митингов, предполагающий мирную демонстрацию с такими же неагрессивно настроенными семейными людьми, Берг попал под одну из программ корпорации по радикальному подавлению бунтов. На мирный митинг, как цепных псов, спустили Регулярная армия. Семья Берга была убита. Он был посажен в тюрьму. Поздняя программа корпорации и алгоритмы ИИ оценили Берга как неопасного для режима. Он был отпущен через год, но вернуться к привычной жизни уже не мог.

Он участвовал в открытых диверсиях, схватках с корпоративными войсками и полицией. Он ещё не был в банде — он просто мстил корпорации за семью. Когда их диверсионная ячейка была схвачена, Берг находился на одной из вылазок. Вернувшись на их базу — в один из заброшенных офисов, — он не застал там никого. Позже он узнал, что ячейку схватили. Вопрос с участниками диверсионной группы был решён корпорацией с максимальной эффективностью, не допускающей возможности рецидива...

После того как Берг снова потерял всех, кто его окружал, он вступил в банду. Он хотел накопить денег и уехать жить в самый отдалённый сектор, прожить остаток жизни спокойно и в одиночестве. Но его знания социологии и годы, проведённые фактически на войне, сделали из него настолько решительного лидера, что члены группировки сами выдвинули его на этот пост. Он не захватывал власть, не убивал старого лидера, не вёл интриг, пытаясь занять его место. Просто все понимали, что он поведёт их организацию вперёд. Берг доказал, что они не ошиблись: его авторитет стал непререкаемым, а принятые им решения вывели банду на совершенно другой уровень.

Для Никс же он так и остался её учителем. Она прислушивалась к нему — он был её наставником ещё со школы. Многие идеи и мысли Никс, её взгляды на общество и жизнь сформировались не без участия Берга: благодаря его урокам, учениям и частым долгим разговорам. Несмотря на её возраст и занятость Берга делами банды, он с удовольствием разговаривал с ней, проводя часы за самыми разными беседами, размышляя и философствуя обо всём, куда заводил их разговор. Никс считала Берга одним из самых близких для неё людей, хотя в душе эта близость и казалась ей весьма условной.

Тем временем Никс подошла к бару. Она была в прекрасном настроении, открыла дверь резким ударом руки и зашла внутрь так стремительно, что некоторые машинально схватились за оружие. Узнав Никс, они улыбнулись и продолжили заниматься своими делами.

— Привет всем! — бросила Никс в зал бара и, не дожидаясь ответа, направилась в комнату, где сидел Берг.

Берг сидел в глубине, изучая карты, как обычно. Заметив Никс, он улыбнулся и встал, чтобы обнять её.

— О, Никс. Судя по твоей походке, ты в порядке.

— Да, я в норме. Спасибо за помощь, — улыбнулась она. — Берг, а где тот громила, который меня домой вёз? Добрый дядька, я тоже хотела сказать ему спасибо. Он мне, кстати, свой пистолет оставил, только я его с собой не взяла.

— А, это Барри. Он у нас, как можно увидеть по его внешнему виду, отвечает за физическое убеждение собеседников. Действительно добрый парень. Бывший полицейский, служил в корпорации. Такие ужасы рассказывает за стаканом водки — волосы дыбом встают. А вот что он пистолет тебе дал — это он зря. Просто не знает тебя и твоего вспыльчивого характера. Так бы он лучше оценил свой поступок и понял, что дал гранату маленькой обезьянке.

— Ты обезьянка, — ничуть не обидевшись, ответила Никс, бродя, как заводная игрушка, из стороны в сторону.

— Кстати, вот деньги за заказ, — сказал Берг и кинул Никс небольшую пачку старых, грязных долларов.

Никс поймала её привычным движением, почти не глядя, и убрала в задний карман штанов.

— Спасибо, Берг. Я так задумалась, что совсем забыла про них.

— Так ты не за деньгами пришла?

— За ними тоже, конечно. Но не только... — Никс тут же перешла к делу. — Берг, мне нужно в тоннели на «Ковчеге». Хочу сделать граффити в корпоративном районе.

После чего Никс посмотрела на Берга, на секунду задумалась и добавила:

— Берг, Господи, сбрей свою бороду. Ну не идёт она тебе. Я понимаю: банда, образ... Но я помню тебя на уроках в классе. Тебе куда лучше без неё.

— Никс! — слегка раздражённо оборвал Берг. — Не до твоих видений стиля сейчас.

Он поднял бровь:

— Опять у тебя какая-то авантюра, после которой потом придётся тебя прятать месяц от полиции и дронов?

Никс повторила:

— Мне надо в ваши тоннели на «Ковчеге». Хочу в корпоративном районе граффити нарисовать. Что-нибудь красивое.

Никс не стала рассказывать Бергу весь план. Боялась, что он включит свою опеку и откажет ей в просьбе, мотивируя это неоправданным риском.

Берг помолчал, потом кивнул:

— Ну, проводим. Рисуй на здоровье.

Берг ещё не почувствовал изменений внутри Никс. Её хорошее настроение и подозрительный блеск в глазах он воспринял как результат выздоровления.

Берг понимал, что граффити в корпоративном районе опасно — оно неизбежно повлечёт за собой цепь событий. Но также он чётко осознавал неуправляемость Никс и знал: если она решила, он не остановит её, даже посадив под замок. Она всё равно это сделает — с ним или без него.

— Через две недели приходи, — сказал Берг. — Мы туда повезём старый алкоголь — дефицит, так сказать. Как раз тоннели откроем, и охрана у тебя будет на всём пути. А там, пока контрабанду передадут, у тебя будет немного времени на художества. Только не опаздывай. Поставь таймер на часы. А то закроем тоннели. Следующая поставка только через неделю будет. А за неделю в корпоративном районе тебя точно посадят: с их количеством камер и дронов, да ещё и с координацией охранных ИИ — шансов скрыться надолго нет.

— Буду вовремя, как по будильнику, — обрадовалась Никс и кинулась к Бергу на шею, благодарно его обнимая.

Он с улыбкой отстранил от себя прилипшую Никс и сказал:

— Ладно, иди домой, собирайся, готовься. Завтра утром приходи сюда — пойдёте с группой отсюда.

Никс обняла Берга ещё раз и незаметно вытащила у него из кармана пачку сигарет. Отходя, она окликнула:

— Нельзя быть таким невнимательным! — и показала Бергу блестящую, украденную у него пачку сигарет, после чего выпорхнула за дверь.

Берг улыбнулся. Конечно, он почувствовал и знал, что Никс вытащила сигареты. Но через минуту улыбка и хорошее настроение, которое всегда появлялось, когда Никс была рядом, ушли — и он снова погрузился в дела.

Никс же часто была мрачной и задумчивой наедине с собой. Весёлой она становилась с Диззи и Бергом. А в присутствии Берга и вовсе чувствовала себя в безопасности, словно ужасы мира не могли до неё добраться. И в чём-то это было правдой: ресурсы и связи Берга в криминальных кругах надёжно её защищали.

А Берг, в свою очередь, ощущал себя живым, когда Никс была рядом. В ней он видел отголоски того, кем был когда-то сам, — и ещё что-то неуловимое. Его восхищали её решительность и безрассудная отвага. При всей творческой натуре Никс оставалась настоящим бойцом — с баллончиком аэрозольной краски вместо автомата.

«Кто знает, что окажется эффективнее в этой войне?» — думал Берг. Настоящее оружие Никс — не искусство, как она полагала. Искусство было лишь инструментом. Настоящим оружием были её убеждения: непоколебимые, упрямые, способные вдохновить других. Берг знал неоспоримый талант Никс располагать к себе людей, организовывать их и вести за собой. «Маленький проповедник», — в шутку называл её Берг про себя. Но вместе с тем несгибаемость Никс, по мнению Берга, могла однажды привести её к гибели.

Он понимал: Никс никогда не пойдёт на компромисс с тем, что ей чуждо. Многие считали, что это её погубит. Берг же верил: если помочь ей переосмыслить идеалы — не отвергнуть их, а направить в менее радикальное русло, — у неё появится шанс. Он хотел, чтобы она успела это сделать до того, как будет слишком поздно.

После разговора с Бергом Никс пришла домой и уснула. Она видела сон: силуэт птицы в клетке. Птица не рвала клетку, не пыталась выбраться и не кричала, а смотрела прямо на Никс. В её глазах читалась не ярость животного, у которого отняли свободу, а вопрос: «Ты готова?»

ГЛАВА 4. БУДНИ ГОРОДА

Тем временем, пока мысли Никс противоречили друг другу в её голове, пытаясь прийти к какому-то единому решению, Берг занимался своими делами, руководя мероприятиями, проводимыми членами банды из бара.

Многие знали, что этот бар фактически является штаб-квартирой банды Берга, и, как правило, случайных людей возле него никогда не было. Основной доход Берга составляла прибыль от контрабанды. Берга на улице знали скорее как околोकриминального бизнесмена, нежели как полноценного бандита. Этому способствовало умение Берга культурно и без шума вести дела. Там, где другие бандиты открывали огонь по конкурентам, Берг предпочитал договариваться.

Незадолго до вылазки Никс в корпоративный район к Бергу в бар пришёл один из основных лидеров конкурирующей группировки, с которой у Берга было шаткое перемирие. Оно держалось на том, что стороны не были готовы нести потери со своей стороны, но при этом каждая мечтала занять территорию и бизнес другой. Одним из лидеров, пришедшего к Бергу, звали Стив. Он отвечал за кражи и сбыт разного рода технологий, которые с удовольствием покупали хакеры и прочие умельцы, создающие из них различные приспособления вроде электромагнитных излучателей для временного отключения камер.

— Добрый день, Берг, — тихо сказал Стив, оглядываясь по сторонам и сканируя взглядом людей Берга, стоящих по сторонам от него.

— И тебе привет, Стив. По каким делам ты на нашей земле? — стараясь поймать взгляд Стива, сказал Берг.

— У нас тут появилась наводка, что корпорация повезёт несколько очень важных разработок через территорию твоего района. Разработки эти — чипы, за которые хакеры готовы заплатить очень большие деньги. Мы за процент от продажи просим твоего разрешения ограбить фургоны, когда они пройдут через твой район. Мы люди культурные и без уведомления коллег не работаем, — улыбнулся Стив.

— Процент — это хорошо, — сухо отвечал Берг. — А что это за чипы? Насколько они важны для корпорации? Отзовётся ли эхом по нашему району реакция «псов режима» на такое дерзкое ограбление, а, Стив?

— Конечно, будет не без потерь, но и мы тут не сувенирами торгуем, верно? Деньги очень хорошие, Берг! — с полной серьёзностью в голосе говорил Стив.

— Иногда деньги не стоят потерь. Я не хочу вмешиваться в то, чего я до конца не понимаю и где не могу оценить все риски. Мне нужна вся информация, Стив. И в первую очередь мне нужно знать, что это за чипы и какова их ценность для корпорации, чтобы взвесить вероятный ответ за кражу этих чипов. Ты меня понимаешь?

— Господи, Берг, это же бизнес. Я не могу раскрывать тебе все подробности, да и сам знаю немного, так как не разбираюсь в этих чипах. Что-то для отслеживания населения, не знаю.

— Бизнес надо вести прозрачно. Особенно в нашей опасной профессии мы должны располагать куда большей информацией обо всех процессах, ты же со мной согласен?

— Иногда мы рискуем, верно, Берг? Иногда действуем вопреки удаче, — импульсивно продолжал Стив. — Нам нужно взять фургон. Хакеры получают возможность мешать корпорациям ещё больше, а мы получим много денег. Это фактически святое дело, Берг.

— И привлечь к себе внимание, — перебил его Берг. — Корпорация не прощает таких ударов. Они найдут способ выяснить, кто это сделал. А когда выяснят — ударят в ответ. И не по нам одним, а по всему району. Ты готов поставить под удар семьи тех, кто живёт здесь? Тех, кто зависит от нашей контрабанды? От наших поставок еды?

Стив замолчал, нервно постукивая пальцами по столу. Он явно не ожидал такого отпора.

Опыт показывал Бергу, что слишком смелые шаги часто оборачиваются катастрофой.

— Слушай, Берг, — проговорил Стив задумчиво, — у тебя работает уличная художница — Никс. Я её знаю. Я так понимаю, ты переживаешь за то, что, когда корпорации узнают о случившемся, они перевернут район в поисках виновного, чтобы устроить показательную казнь. И под это дело устроят тебе кучу неприятностей. Всё так?

— Всё именно так. Но Никс тут при чём? Она занимается своими делами, не лезет в наши. Бегает девчонка себе, рисует.

— Может, попросить её, чтобы после ограбления она разрисовала грузовики и стены тегами какой-нибудь банды, или религиозными символами сумасшедших радикалов, или ещё чем-то, чтобы отвести от нас подозрения?

— Мы грабим корпорацию с продвинутым ИИ в подчинении. Такие дешёвые фокусы с ними не пройдут, ты это должен понимать. Хотя... Кто знает, может, это не будет лишним...

— Ну конечно, не будет лишним. Если сработает — отлично. Если не сработает, то какая разница — было это или нет? Просто добавим ещё одну версию для них. А ещё у этой девчонки талант к сбору митингов и зевак у её граффити. Может, пусть она организует какой-то пикет в другой части города в день ограбления, чтобы собрать там полицию и дронов? Пока разгоняют пикет, мы всё сделаем быстро. Мы же профессионалы, — оживился Стив.

Берг едва заметно улыбнулся. Он знал, что ему ответит Никс на такую просьбу. Он отлично знал, что Никс в своей дерзкой манере откажется участвовать в ограблении. «Я

художник, я буквально искусство, а не дворовая шпана», — вспомнил Берг слова Никс, когда однажды хотел предложить ей какую-то авантюру.

— Никс откажется, я уверен, Стив, — сухо сказал Берг.

— Так давай ей позвоним? — сказал Стив.

— Ты в своём уме — решать вопросы об ограблении в сети, Стив? — слегка удивлённо сказал Берг.

— Я не настолько идиот. Я хотел позвонить и вызвать её сюда, — чувствуя себя оскорблённым, сказал Стив.

Никс пришла спустя два часа после звонка Берга.

— Стив, вечер добрый! — звонко бросила Никс, не глядя в его сторону. — Судя по тому, что тут собрались такие серьёзные мужчины, на нашем районе скоро будет совершено преступление! — весело сказала Никс.

Стив пару раз общался с Никс: она рисовала граффити их банды по его заказу, но сейчас Стив был удивлён, насколько раскованно Никс себя ведёт.

— У нас к тебе дело, Никс, — сказал Стив.

— Точнее, у Стива, — поправил его Берг, не желая быть втянутым в это больше, чем того требовала ситуация.

— Решили устроить мне пару бессонных ночей, которые я проведу в розыске, да? — усмехнулась Никс.

— Возможно, и это, но маловероятно, — сказал Стив. — Нам нужна твоя помощь. Мы хотим перехватить фургон с чипами у корпорации.

Никс села в кресло, достала блокнот и начала что-то рисовать, поглядывая то на Берга, то в блокнот.

— Ворую, граждане бандиты, — не отрываясь от блокнота, сказала Никс. — Чем же я могу помочь таким серьёзным преступникам?

— До операции надо создать в другой части города какой-нибудь митинг, пикет. Нарисуй какое-нибудь граффити, которое взорвёт толпу. А после операции нужно создать отвлекающий манёвр. Нарисуешь что-нибудь провокационное рядом — с местом — скажем, символы радикалов или какой-нибудь лозунг. Корпорация подумает, что это их работа, и пойдёт по ложному следу.

— Стив, ты видел мои граффити? — продолжая рисовать в блокноте, сказала Никс.

— Видел.

— И как тебе?

— У тебя определённно есть талант, а что?

— Именно! Это же искусство, Стив! Оно для разжигания сердец и пробуждения душ, а не для маскировки ограблений под беспредел радикалов и религиозных фанатиков или бог знает чего ещё, — спокойно говорила Никс.

Стив, зная о том, что граффити Никс направлены против корпорации, попытался задеть её за живое:

— Но ведь мы действуем против корпорации! Это же твой враг. Разве не лучше ударить по ним всеми возможными способами?

— Я похожа на грабителя, Стив, скажи, похожа? — глядя на него сверкающими фиолетовыми линзами, всё так же спокойно проговорила Никс.

— Ладно, сдаюсь. Ты неуязвима для уговоров. Но если передумаешь...

— Ты первый узнаешь. Обещаю. — В этот момент Никс закончила рисунок в блокноте и показала его Бергу и Стиву. — Хотя... могу нарисовать на фургоне портрет Берга с подписью «Это сделал он».

Рисунок был настолько похожим и забавным, что Стив и Берг не смогли сдержать смех.

Стив в мгновение стал очень серьёзным. Он понимал, что если склонит к работе Никс, то Берг тоже не откажется от дела. Все знали его привязанность к Никс.

— Никс, — снова продолжил Стив, — партия чипов — это модули слежки нового поколения, таких ещё не было. Корпорация планирует развернуть их по всему городу в течение недели. Если успеют — каждый шаг жителей будет под контролем ИИ. Камеры, дроны, датчики — они создадут сеть, из которой не вырваться.

Никс подняла бровь — в ней стал заметен интерес.

— Звучит угрожающе, продолжай.

— Проблема в том, что корпорация не поверит в спонтанное нападение. Они начнут искать организатора — и первым под удар попадёт Берг. Его бар — слишком очевидная точка. Они перевернут район вверх дном, начнут давить на всех, кто связан с ним. В том числе на тебя.

— И поэтому ты хочешь, чтобы я нарисовала им ложный след? Символы радикалов, лозунги безумцев — чтобы они гнались за призраками? Интересно, интересно.

— Да. Но не просто так. Ты же знаешь, как работают их алгоритмы: они ищут паттерны. Если рядом с местом диверсии появятся твои граффити — с твоим узнаваемым стилем, но с новым посылом, — они зацепятся за это. Решат, что это акция какой-то новой группировки, вдохновлённой твоими работами. Ты станешь не мишенью, а... катализатором.

— А если не сработает? Если они всё равно поймут, что это ты? Или решат, что я в сговоре с тобой? Знаешь, что сделают с «художницей, подрывающей стабильность»? Меня не просто посадят — сотрут. Мы же это сейчас все тут понимаем, да? — проговорила Никс, глядя то на Берга, то на Стива.

— Я гарантирую безопасность. У нас есть каналы, чтобы...

— О, «гарантии» от бандита! — перебила его Никс. — А Берг согласился? — перевела взгляд на Берга Никс.

Берг вздохнул тяжело.

— Да, Никс. Я согласен.

Никс всегда знала, что Берг не втянет её во что-то слишком опасное для неё, поэтому его согласия на эту операцию было достаточно.

— Так, это уже что-то. Так какой вообще план-то?

Стив начал:

— Я всё продумал... — Он быстро изложил часть плана с ограблением, которую Никс не слушала.

— После, — продолжил Стив, — Никс изрисует фургон... Да чем угодно. Главное — ярко, провокационно, чтобы все сразу поняли: это не просто кража, а протест, бунт, революция, религиозная война крестоносцев с масонами. Что угодно, лишь бы не вышли на нас.

— Мы подставим под удар весь район. Корпорация не простит такого вызова. Они начнут искать виновных — и не остановятся, пока не найдут, — хмуро проговорил Берг.

Никс, озаренная идеей, повернулась к Бергу:

— А если мы сделаем так, чтобы виновных было слишком много? Чтобы каждый, кто увидит мой рисунок, почувствовал себя причастным?

Берг задумчиво спросил:

— Что ты имеешь в виду?

— Мы не будем прятаться за ложными следами. Мы сделаем всё открыто — но умно. Я нарисую на фургоне не просто послание, а схему. Где отметить слабые места системы: камеры, дроны, датчики. Пароли для взлома систем у хакеров спросим. И добавлю подпись: «Найди уязвимость. Передай другому». Так мы раскроем слабые места на районе. Преступления, мелкие кражи на неделю вспыхнут, хакерские атаки... Ну да... Это не совсем правильно, но отвлечёт внимание. Контроль корпораций ослабнет, и им будет не до нас. Много следов появится за это время, улики заметут.

Стив задумался:

— То есть ты предлагаешь не просто оставить граффити, а запустить вирусную акцию? Чтобы люди сами начали отмечать слабые места?

— Именно. Один рисунок — и сотни копий, — глаза Никс загорелись от её же собственной идеи. — На стенах, на экранах, даже в их собственных системах. Хакеры помогут распространить шаблон. Они уже будут думать не об ограблении, а о том, как остановить эту цепную реакцию. Да всю вину за такое свалят на группировку каких-нибудь хакеров. В корпорации начнут искать организаторов — а их нет. Есть только идея, которая распространяется сама. Они не смогут посадить всех. А пока будут разбираться...

Стив был впечатлён.

— А ты стратег, Никс, — заявил он. — И так хорошо, Никс. Мы с Бергом тогда тут обсудим дела дальше, а ты будь на связи. Ограб... — тут же, опомнившись, замолчал Стив. — Точнее, твоя акция планируется через 4 дня. Я с тобой свяжусь.

— Ладно, — сказала Никс, хлопнула Берга по плечу и выбежала из бара.

— Знаешь, Берг... Сегодня я понял, почему ты так возишься с Никс.

Берг спросил Стива, не поднимая глаз:

— Возжусь? Я просто не хочу, чтобы талантливая девчонка сломалась о зубья этой системы.

— Брось, Берг. Мы оба знаем: дело не только в этом. Она невероятное вложение. Умная, харизматичная, умеет зажигать людей одним рисунком. Сегодня она превратила нашу мелкую диверсию в целую стратегию. Это не случайность. Это талант.

Берг поставил стакан:

— И к чему ты клонишь?

— К тому, что ты играешь в долгую. Ты не просто прикрываешь её, когда она рисует свои картинки. Ты её воспитываешь. Шаг за шагом. Даёшь ей задачи, которые расширяют границы. Сначала — просто граффити. Потом — координация митингов. Теперь — целая вирусная кампания против корпорации. Ты готовишь себе правую руку, Берг, верно? Умно, очень умно!

Берг отошёл к полке с бутылками, взял одну, поставил перед Стивом:

— Ты слишком много думаешь, Стив.

— Нет, я наконец-то начал думать. Посмотри: она умеет то, чего не умеем мы. Она говорит с людьми без слов. Её рисунки — это код, который считывает каждый. Ты даёшь ей инструменты, защиту, возможность расти... И в какой-то момент она станет не просто художницей, а настоящим организатором. Тем, кто сможет объединить районы, вдохновить тысячи.

— Допустим. Допустим, я вижу в ней потенциал. Но это не «манипуляция», как ты выразился. Я не тяну её в криминал. Я даю ей шанс использовать свой дар так, чтобы он менял мир.

— Да какая разница, как назвать, — с издёвкой говорил Стив. — Суть в том, что ты делаешь ставку на неё — и это гениальный ход. В нашем деле сила — не в кулаках и стволах. Сила — в идеях. А она умеет их воплощать. Ты создаёшь не подельника, Берг. Ты создаёшь символ. И когда придёт время, этот символ поднимет за собой всех.

— Ты говоришь так, будто я всё спланировал десять лет назад.

— Может, и не десять.

— Я просто не хочу, чтобы её талант сгорел в этой системе, Стив, как сотни других до неё. Она — художник, а не бандит.

— Ладно, пусть так. Но потенциал-то есть. И раз ты не хочешь его использовать... Тогда давай она будет работать со мной. Я смогу направить её, научить тонкостям операций, показать, как просчитывать шаги наперёд. Мы с ней отлично сработаемся.

Берг расплылся в улыбке:

— Ну... Иди попробуй.

— Что, так просто? Ты согласен?

— Иди и предложи ей это. Только... — Берг сделал паузу. — Запиши на диктофон, что тебе ответит Никс. Я хочу это слышать.

Стив нахмурился:

— Ты что, думаешь, она меня пошлёт?

— Я думаю, ты услышишь много интересного. И, возможно, поймёшь, почему я не пытаюсь сделать из неё «правую руку».

— Ладно. Посмотрим. Спорим на сотню? Сейчас найду её — она должна быть в переулке за баром.

Через пару минут Стив нашёл Никс — та курила и смотрела в свой блокнот.

— Никс, привет. У меня к тебе дело.

Никс, не отрываясь от просмотра эскизов в блокноте, сказала:

— Мы виделись 20 минут назад, Стив. Что за дело? Опять ограбление или убийство, может, рейдерский захват? — Никс говорила шутя, но по-доброму.

Стив улыбнулся:

— Нет, на этот раз предложение. Берг, кажется, не хочет использовать твой потенциал по максимуму. А я хочу предложить тебе работать со мной. Буду учить тебя планированию, тактическим ходам, координации операций. Ты мозг, я опыт. Мы можем стать отличной командой.

Никс посмотрела на Стива с таким недоумением, что ему стало неловко:

— Работать с тобой? В смысле — грабить фургоны? Ты сейчас пошутил так? Ты меня сейчас догнал, чтобы предложить мне грабить фургоны?

— Не только. В смысле — нет. Мы будем бить по системе умнее. Ты даёшь идею, я обеспечиваю исполнение. Представь: твои послания, но теперь — с реальной силой моего исполнения.

Никс в секунду сменила улыбку на недоумение:

— То есть ты хочешь, чтобы я стала... кем? Твоей личной художницей при ограблениях? Или, может, пиар-менеджером банды или... Или...? — Никс буквально начинала закипать.

— Нет, я имею в виду партнёрство, Никс, — пытался смягчить её Стив.

Никс, захлопывая блокнот:

— Я правильно тебя поняла, что ты хочешь мои рисунки превратить во что? В рекламу?! Я! Буквально! Искусство, Стив! — проговорила Никс и рассмеялась в конце. Она любила повторять эту фразу в подобных случаях. — Буквально искусство, Стив. Ты видел, чтобы Рембрандт работал со шпаной и рисовал на фургонах? Леонардо да Винчи, Стив, не запугивал конкурентов своими рисунками на их домах! А они — художники, великие художники, а я — искусство во плоти. И ты хочешь, чтобы искусство осквернило само себя, связываясь с бандитами? Конечно, — так Никс шутила над Стивом, показывая, что издевается над ним.

— Вообще-то, Никс, ты рисуешь бандитам теги и символы по городу. Может, просто ты об этом забыла?

— А ты не путай необходимость с тем, что нужно делать сознательно. Чтобы жить, тигр съест газель, но это не значит, что тигр плохой. А вот если тигр убивал бы потому, что захотел убить, или, господи прости, по заданию, тогда, когда вполне мог этого не делать, — то вот к этому тигру и возникают вопросы.

Стив замер, пытаясь понять, что вообще несёт Никс, и попутно оправдаться:

— Но ведь мы действуем против корпорации! Разве не лучше объединить силы? Ты же сама предложила вирусную акцию с граффити!

— Да, я предложила — потому что я так решила. Не потому, что ты попросил, не потому, что Берг кивнул, а потому, что я увидела в этом смысл. Я работаю с вами, а не на вас. И если ты хочешь сотрудничать — учись уважать границы. Иначе я нарисую твой портрет на главной площади с подписью: «Этот человек путает искусство с... хм».

Стив понял, что Никс просто издевается, и сменил тактику:

— Хорошо. Давай начистоту. Ты права: я пытался использовать тебя. И это было глупо. Потому что — Ты — не инструмент. Ты катализатор. Ты создаёшь смыслы, которые потом подхватывают люди.

— «Катализатор», «создаёшь смыслы» ... Ты случайно не на курсах ораторского мастерства это выучил? Перед зеркалом репетировал?

— Никс, да прекрати ты язвить и послушай минуту. Я действительно предлагаю сотрудничество. Настоящее. Без иерархии. Ты задаёшь направление — я обеспечиваю ресурсы и логистику. Ты рисуешь — я организую распространение. Ты вдохновляешь — я помогаю воплотить.

— А у креативного директора банды будет соцпакет, план на квартал и совещания по вторникам? — теряя интерес к разговору и снова открывая блокнот, спросила Никс.

Стив делал вид, что не замечает её иронии. Он думал, что точно понял, на что нужно давить в разговоре с Никс, чтобы она заняла его сторону:

— Ты создаёшь образ будущего — я помогаю проложить к нему дорогу. Представь: твои граффити — не просто послания на стенах. Они метки на карте сопротивления. Каждый рисунок — точка сбора. Каждый символ — пароль. Мы создадим сеть, где искусство и тактика идут рука об руку. Ведь должен быть какой-то порядок!

— Я — молния, Стив, а не лампочка. А ты хочешь, чтобы я была лампочкой. Вкрутить меня в патрон и включать и выключать, когда тебе надо и удобно. А молния либо есть, либо нет, и бьёт стихийно. Это называется вдохновение, проклятые вы прагматики, — спокойно и с доброй улыбкой говорила Никс.

— То есть никакого сотрудничества?

Никс улыбнулась снова:

— Сотрудничество — это когда мы случайно встретились на улице, посмотрели друг на друга и поняли без слов, что сейчас самое время нарисовать что-то на стене. А всё остальное — это уже не сотрудничество, а работа по найму. А по найму я вам теги рисую на стенах ваших районов. Не более.

— Понял. То есть ты отказываешься?

Никс сделала театральный жест, указывая пальцем вдаль:

— Стив, иди... в закат. Ну, надоел, честное слово. Ну говорю же, что нет.

- Чего? В какой закат? Переспросил Стив

- на х... говорю иди, я не грабитель. Не выдержав уже этого разговора, резко фыркнула Никс утыкаясь в блокнот давая понять, что разговор окончен.

Стив вдруг резко сменил выражение лица — улыбка исчезла, взгляд стал жёстким. Он сделал шаг вперёд, с нарочитым шумом достал пистолет и приставил его к виску Никс. Пауза. Никс даже не вздрагивает — продолжает смотреть в блокнот.

— Ты, конечно, талантлива, но не забывай: я представитель банды. И такой тон в разговоре со мной... не совсем уместен.

— Вот мы и добрались до «я тут главный», — спокойно проговорила Никс.

— Давай, кинь ещё пару своих фразочек, и ты последний раз в жизни покрасишь стены...

— Ты сам знаешь: я права. Ты хочешь использовать меня и мой талант. Мне это не нравится, и я не согласна с тобой работать. Вот и всё. Я тебя уважаю, Стив. Просто по-своему. Как человека, который хоть и бандит, но борется с корпорацией. Не более.

— Ладно, я пошутил. Твоего уважения мне не надо, Никс. Я понял, что ты отказалась. Пойдём в бар, обсудим там детали сразу, чтобы не переносить встречу, — вот что я подумал.

«Так какой вообще план-то?» — по дороге снова спросила Никс.

— Смотри. Вот маршрут фургона. Он поедет тут — там мало камер, но много узких улиц. Мы устроим засаду вот здесь, у склада № 7. Мои люди заблокируют дорогу спереди и сзади, а хакеры временно отключат дроны в радиусе километра...

Они пошли обратно в бар к Бергу, обсуждая детали предстоящего задания. Войдя в бар, они направились к Бергу.

Берг встретил их с ухмылкой:

— Ну что, Стив, удалось завербовать нашего художника в свои ряды? Или она тебя снова отправила... куда там? В закат?

— Да, Берг, угадал. Мерзкая у тебя художница, крайне мерзкая.

Никс, всем видом показывая, что возмущена, через секунду улыбнулась:

— Эй! Я вообще-то тут...

В перерывах между работой и делами Никс пришла идея, которую, как она считала, пора реализовать. Граффити, которое она придумала, когда сидела дома после полученного ножевого ранения на «Ковчеге». Никс, лёгкая на подъём в те моменты, когда её посещало вдохновение, взяла рюкзак и выскочила из дома. Подкравшись к стене чужого района, она хотела оставить граффити там, где бывала редко. Она сама не понимала, что движет ею — желание адреналина или её «идеалы». Выбрав стену, она приступила.

Никс привычными движениями бросала контуры на стену. Они ложились точно по её команде, точно так, как она это видела у себя в голове. Кислотно-розовое слово «ECHOES» появилось на стене. Никс продолжала. Это граффити должно было стать одним из лозунгов. Она уже видела, как люди будут скандировать и распространять эти надписи. Она дописала граффити: «ECHOES of OBLIVION. No name, no past, only revolution» — гласила надпись.

— Закрасила и бегом отсюда! — послышался сзади голос.

Обернувшись, Никс закрыла глаза и глубоко вздохнула. Местная шпана. «Сейчас завяжется драка», — тут же осознала Никс. Убежать не выйдет: рюкзак тяжёлый, забит под завязку. Отдавать или бросать рюкзак она не могла. Противников было трое. Никс притворилась напуганной. Начала извиняться, едва не плача, прося их не трогать её. При этом с каждым извинением подходила к противникам на шаг ближе.

Она точно знала, что нужно действовать быстро и наверняка. В таких драках никогда нельзя угадать, хотят тебя просто побить и проучить или она окажется для тебя последней.

— Простите, я не хотела, я не знала, что это вы тут рисуете, я нечаянно, — быстро тараторила Никс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.